Колдовские миры

Галина Гончарова

Азъ есмь Софья. Сестра

Annotation

Софья Романовна Ромашкина, бизнес-леди и глава крупной компании, о своем диагнозе знала. И к шансу «обрести новую жизнь» и «переселиться в новое тело» отнеслась с нормальной для умного человека иронией. Поэтому первым шоком для нее стало пробуждение вообще, вторым – пробуждение в теле маленькой девочки и третьим – осознание, что девочка эта – царевна Софья. Та самая, сестра, с которой потом будет бороться за власть Петр I. Однако изумление – проходяще, а желание жить, и жить достойно, – вечно. Как же все случится на этот раз? Опять несбывшиеся надежды, поражение, монастырь? Или все-таки возможен иной выход? Из терема, из старорусской жизни с ее запретами и обычаями? Из безысходности, которая от рождения до смерти сопровождала каждую русскую царевну?

Галина Гончарова
Азъ есмь Софья. Сестра

Как страшно выбрать Путь, решить не так, как надо.
Победы для других – и беды для тебя.
Над пропастью в цветах, средь Рая или Ада.
Горюя и смеясь, страдая и любя,
Идя вперед всю жизнь, сквозь беды и подвохи,
Сквозь суету людей и многоцветье дел
Меняя, как расклад, проблемы и эпохи,
Возьмешь, что пожелал, поймешь, чего хотел,
Заплатишь по счетам. Часы пробили полночь,
И Смерть коснулась губ малиновки крылом.
Вердикт твоим делам пусть вынесут потомки.
А нам пора идти, в венце – и под крестом.

© Гончарова Г., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

Эта комната ничем не порадовала бы любителей мистики. Самый обычный зал. Разве что с большим камином. Ну так каким ему и быть в частном доме, принадлежащем хозяину с хорошим вкусом?

Резные дубовые панели, высокие потолки, тяжелые гардины, паркетный пол с подогревом, кресла – и люди в креслах. И пляшет, пляшет на поленьях огонь, как и много тысячелетий назад. Единственным, что не вписывалось в обстановку, был большой экран на стене – и проектор с мощным компьютером. Но и это не удивляло. Мало ли что понадобилось людям?

– Грядет эра Водолея. То есть – период перелома эпох.

Говорящий оглядел своих собеседников и остался чем-то недоволен. Хотя все слушали его со всем положенным вниманием.

С другой стороны, прописные истины все и так знают, вот если бы была поставлена проблема или предложен путь ее решения… Что ж! Сегодня им предстоит обсудить и первое и второе.

– Вы все прекрасно знаете, что мир находится в нестабильности. Эгрегор бурлит, ноосфера отвечает чему угодно, только не своему определению, наши аналитики посчитали, что в такой обстановке мы перелом не пройдем.

Вот теперь внимание сосредоточилось на мужчине. Всего собравшихся тут было двенадцать, с ним – тринадцать. Все – средних лет, за исключением двух молодых людей. А впрочем, молодых ли? Взгляды и улыбки юности не подделаешь в зрелости. Возраст выдают глаза, а точнее, выглядывающая сквозь них душа. И судя по взглядам, эти двое были не самыми молодыми из присутствующих.

– Шон, ты собрал нас, чтобы обсудить проблему, о которой всем известно?

Стильная худощавая брюнетка с зелеными глазами обвела собрание взглядом голодной пантеры. Погладила ворона на плече.

– Да, Пелагея. Именно об этом. Достаточно одного толчка, чтобы имеющаяся система опрокинулась, заливая мир потоками крови. И не думай, что тебе удастся отсидеться в углу. Ты погибнешь вместе со всеми, просто не в силах жить без подпитки эгрегора.

Женщина передернула плечами, но спорить не стала.

– Ты хочешь что-то предложить? – Мужчина азиатского вида смотрел серьезно и спокойно.

– Да, Миягино-сан. Именно за этим я и собрал наш Совет. Вы позволите краткий экскурс в историю?

Собрание молчало. Попробовали бы они не позволить…

Мужчина прищелкнул пальцами. В воздухе возникла и развернулась длинная схема, больше всего напоминающая дерево, которому не давали расти прямо, и теперь оно причудливо кривилось в разные стороны.

– Итак, схема развития нашего мира в последнюю эру. Первое нарушение гармоничного развития – падение Римской империи. Примерно четырехсотые годы нашей эры. Если бы Рим не пал под натиском Аттилы, мы бы имели другую картину развития. Вторая веха – крещение Руси огнем и мечом. Третья веха – падение Византийской империи. Четвертая веха – дом Романовых.

– Россия? – уточнила Пелагея.

– Абсолютно точно. Громадная по площади страна. Несмотря на все названия и переделки, империя, которая очень сильно влияет на ноосферу и вносит громадные возмущения.

– А другие у нас, значит, в углу тихо сидят и ничего не делают? Англия и Франция? Китай? Япония? Я уж молчу про Америку, в которой вырезали чертову прорву индейцев, что, несомненно, послужило общему благу и стабильности…

Пелагея даже возмущалась красиво, по-кошачьи, но на собравшихся это не произвело никакого впечатления. Видели уже, и не раз видели…

– Я могу предоставить расчеты, из которых следует, что камнем преткновения в настоящий момент является Россия. Или Русь, как вам будет более удобно ее называть. – Глава собрания смотрел холодно и жестко.

– И что вы предлагаете? – поинтересовался еще один из мужчин, блондин скандинавского типа.

– Если ничего не предпринимать, то нас ждет третья мировая война. Это все понимают?

Понимали. И даже очень хорошо. Принцип «*тело есть отражение духа, влияющее на дух*» был хорошо им знаком. Любые исторические процессы, происходящие на земле, отражались на ноосфере, любые процессы, происходящие в ноосфере, вызывали на земле катаклизмы – от природных до общечеловеческих.

– Но ведь Россия не виновата! – топнула ножкой Пелагея.

– Не виновата, – согласился с ней мужчина. – Просто сейчас на ней сходятся все узлы. Это не хорошо или плохо, это – просто жизнь. Так получилось.

– И что ты предлагаешь?

– Разумеется, исправлять ситуацию. То, что должны были сделать наши предшественники, которые решили жить по принципу «после нас хоть потоп», – резко ответил Шон. – Если бы они не пустили все на самотек еще сто лет назад, если бы вместо Николая на трон взошел Георгий…

Вторая из присутствующих на собрании женщин, огненно-рыжая молодая девушка вскинула тонкую черную бровь.

– Шон, мы понимаем, что в мире произошли значительные отклонения, но ты не забыл, кто мы? Мы – просто круг тринадцати! Мы не сможем серьезно повлиять на происходящее. Настолько серьезно, как тебе надо.

– Джиневра, ты ведь знакома с законом кругов и умножения зла, – резко ответил мужчина. – Или уже забыла историю? У нас перед глазами самый простой пример – династия Романовых. Все ужасаются из-за следствия, но почему-то никто не вспоминает о причинах. Хотя проследить законы воздаяния просто. Повешенный по приказу Михаила сын Марины Мнишек – и вот, триста лет спустя, уничтоженные потомки Романовых.

– Ну, Романовых там было… маловато, – нагло усмехнулась Пелагея.

Шон обжег ее таким взглядом, что ворон едва не упал с плеча ведьмы. О, этот мужчина по праву был главой Совета.

– Мне ли рассказывать тебе о семейных долгах? Приняв на себя имя Романовых, эти люди приняли и долги Романовых.

С этим спорить никто не стал.

– Не будем говорить об истории, – вмешался Миягино-сан. – Шон, ты предоставишь нам все расчеты после собрания?

– Разумеется. В любой момент времени и по первому требованию. Клянусь *силой*, я не преувеличиваю опасность и не пытаюсь получить что-либо для себя.

По комнате пронесся невидимый холодный ветерок. Мужчины и женщины переглянулись. В их среде такие клятвы давались крайне редко и означали, что в случае обмана мужчина готов стать обыкновенным человеком. Эгрегор не прощает тех, кто обманывает его именем, и отлучает от себя, словно перерезая пуповину. А без питательной силы маг – это всего лишь обычный человек, часто весьма преклонного возраста. И жизнь его длится весьма недолго.

Первым нарушил молчание смуглый мужчина, при взгляде на которого приходило только одно определение – «индийский йог». Характерные черты лица, смуглая кожа, белые одежды…

– Шон, ты собрал нас, чтобы обсудить проблему или предложить путь ее решения?

Мужчина усмехнулся. В уголках губ легла горькая складка.

– Я хочу предложить путь решения. Мы ограничены во времени, поэтому давайте решим так. Я изложу сейчас, чего я добиваюсь и как мы должны действовать, а потом прошу всех взять перерыв на месяц. Этого времени хватит, чтобы ознакомиться с моими выкладками, подумать, ну, и если все решатся – начать подготовку к осуществлению моего плана.

– Начать подготовку – *до* нашего решения?

– Да. Если понадобится, я сделаю все в одиночку. Хотя не знаю, чем мне придется за это заплатить.

Шон выглядел смертельно серьезным, и присутствующие тоже отбросили наносное. Склоки, ссоры, скандалы – разве это все так важно перед лицом вечности?

Некоторые представляют себе магов сборищем индивидуалистов, которые превыше всего ставят свои материальные блага. Что ж. На низшей ступени так и есть.

Но ни один человек, ставящий свои интересы впереди интересов мира, не перейдет на следующую ступень прямого контакта с эгрегором планеты и получения сил от мира. Просто сгорит, оставляя пустую полубезумную оболочку. Эти люди шагнуть сумели. И не просто шагнуть – удерживаться на этой ступени уже несколько десятков – а кое-кто даже сотен – лет. Поэтому хоть и ругался Совет Тринадцати, хоть и производили они своеобразное впечатление, но в критических ситуациях они собирались и действовали как единое целое. Более того – целое с планетой и ее ноосферой.

Шон обвел взглядом коллег и начал говорить.

– Я не зря сказал о критических или переломных точках…

2015 год

Софья Романовна Ромашкина еще раз перечитала лежащую перед ней на столе желтоватую невзрачную бумажку. Виски заломило, и она перевела взгляд на окно. За громадным стеклом синело небо, мягко скользили по нему, словно натирая его до блеска, белые облачка, внизу виднелись верхушки деревьев. Совсем еще юных – вон ту липку она сама сажала, когда въезжали в новый офис.

Она не увидит, как это деревце станет взрослым.

Женщина потерла лоб, стараясь отогнать даже призрак головной боли, и опять бросила взгляд на бумажку.

Той было совсем не место на роскошном столе из цельного дубового массива. Своим неряшливым желтовато-затрапезным видом она нарушала гармонию этого места.

В кабинете Софьи Романовны всегда царила чистота, темные панели из натурального дуба, блеск стекла и металла, классика и модерн смешивались в причудливых сочетаниях…

Так-то.

Тебе еще даже пятидесяти пяти нет. А жизнь уже кончена.

Выписка из истории болезни мрачно подтверждала это, лежа поверх миллионного контракта на постройку офисного здания.

Софья взяла ее двумя пальцами и спровадила в мусорное ведро. К черту!

Не желает она больше ни думать, ни помнить!

Хотя как тут забудешь?

Самым мерзким недостатком начальницы, по мнению всех работающих на фирме, была ее идеальная память. Она в жизни не пользовалась ежедневниками, но, не глядя в календарь, могла озвучить свое расписание на месяц вперед. Это неизменно повергало в ужас секретарш и заставляло их сомневаться в своей компетентности.

Пискнул селектор.

– Да?

– Софья Романовна, к вам Яблочкин, из бухгалтерии.

– Пусть войдет.

Появившегося на пороге молодого человека Софья Романовна встретила насмешливой улыбкой и своим фирменным взглядом голодной пираньи в климаксе.

Мужчина лет тридцати пяти заерзал, занервничал, совершенно по-детски вытер вспотевшие ладони о двухтысячедолларовые штаны и покраснел, понимая, что начальнице все это видно.

Наконец Софье надоела пауза, и она кивнула провинившемуся подчиненному на кресло.

– Садись, Алексей Батькович. В ногах правды нет, попробуем нащупать выше…

Мужчина рухнул в кресло. Признаки были весьма плохими. Всех, кто работал в фирме, Гарпия – так подчиненные ласково называли начальницу – помнила и в лицо, и по имени-отчеству. И если начинала вот так играть словами…

– А теперь расскажи мне, почему вовремя не были проплачены деньги за отделочные работы в здании у Ерохина?

Спустя двадцать минут Софья подписала приказ об увольнении, поморщилась…

Развелось блатной шушеры! Конечно, Яблочкин-старший будет недоволен, но утрется. Она и так из милости взяла сопляка на стажировку, терпела опоздания, хотя самой себе их

никогда не позволяла, но чтобы загулять, прийти с похмелья и перепутать все документы… ей такие работники не нужны.

В мусор!

Из мусора нагло выглядывала противная бумажка грязновато-желтовато-серого цвета. И диагноз там был весьма неутешительный.

Опухоль головного мозга с множественными метастазами.

Неоперабельная.

Три-четыре месяца, максимум полгода жизни.

Обидно…

Три месяца спустя

Женщина приподнялась на локтях, окинула взглядом палату… да, несомненно, это была палата, только больничным заведениям присущ этот неприятный запах – смесь хлорки, крови и человеческих страданий.

Она лежала на кровати, застеленной достаточно чистым бельем, в окно било солнце… Софья поморщилась.

– Где я?

Голос был отвратительно слабым и неуверенным, но говорить жестче не получалось – мешала пересохшая гортань и запекшиеся губы.

– Вы очнулись?

С кровати рядом поднялась женщина.

– Подождите минуту, я позову медсестру…

Софья честно пролежала целых три минуты, показавшиеся ей вечностью, но дольше медсестричка ждать себя не заставила. Девочка лет двадцати напоила Софью из специальной поилки с носиком, сообщила, что врач ушел пообедать, и объяснила ситуацию.

Софья находилась в самой обычной бюджетной клинике. В травматологии.

Она ехала по делам, вероятно, потеряла сознание за рулем и удачно вписалась в столб.

Удачно?

Да, это слово здесь наиболее уместно.

Никто не пострадал, включая и саму Софью. Машина, конечно, вдребезги, но «Мерседес» – марка надежная. Вытянула. Софья же получила еще и подушкой безопасности по голове, скорее всего у нее сотрясение мозга…

– Это когда мозги есть, – хмуро проворчала Софья.

Действительно, дохрабрился индюк до супа. Что бы ей стоило взять машину с водителем? Десяток барбосов в гараже фирмы груши кое-чем околачивает, а она вот… Ну нравилось, нравилось Софье самой водить машину, чувствовать силу и мощь покорного ей зверя.

У ее машин были имена, были свои характеры, судьбы, свой пол и возраст…

– Машина невосстановима?

– Простите, я не знаю.

Бедный «макс». «Мерседес» звали именно «максом». И кто сказал что машина – это мертвый набор деталей? Сами вы… три дня не умывались!

Вот так вот, если бы не сила характера, не было бы у нее «макса». Если бы не нежелание признавать болезнь, то есть тот же характер, был бы он жив-здоров. А теперь чинить… хотя КАСКО все покроет, куда они денутся. Юристы у нее тоже есть, и не из последних.

– Ладно. Скоро прибудет врач?

– Я скажу ему, чтобы он пришел, как только…

– А пока – где мой телефон?

– Не знаю. Наверное, в хранилище…

– Извольте найти его и принести мне.

Софья распоряжалась как дышала. И на медсестричку это тоже подействовало, девочка пискнула нечто согласное и помчалась искать телефон. Софья постановила про себя, что надо бы отблагодарить малышку – и посмотрела в потолок.

Руки-ноги на месте, голова болит, мысли путаются… сотрясение мозга?

Вполне вероятно. Чем это может ей грозить?

Активизацией болезни – тоже несложно догадаться. Не факт, нет. Но опухоли штука такая, не изученная до конца, как бы там ни пыжились медики.

За последние три месяца Софья успела пройти обследования еще в двух местах за рубежом, получить консультации у нескольких онкологов и невропатологов и прийти к печальному выводу.

Лечить ее могут. А вылечить – нет.

Можно колоть ей всякую пакость, облучать гамма- и прочими лучами и даже молиться над ее тушкой. Результат будет один и весьма печальный – смерть.

Если лечить – через год, если не лечить, то через шесть-восемь месяцев.

Стоят ли четыре месяца жизни того, чтобы ради них страдать, мучиться, терпеть врачей и превращать себя в инвалида?

Сложно сказать. Но Софья начала пить таблетки в той мере, которая не мешала ей вести активный образ жизни. Больше медицина ей дать ничего не могла.

Нет, предлагали-то много всего. Традиционные и нетрадиционные методы лечения, молитвы, заговоры, пляски с бубном, новейшие исследовательские разработки, стволовые клетки…

Предлагались различные варианты, вплоть до святого старца-отшельника и мага – потомственного хилера откуда-то с Гавайев… На Софью это впечатления не произвело.

Чего уж там, жизнь была прожита хорошая. Хотя умирать все равно не хотелось. Еще столько сил, столько жизни, столько сделать можно… а придется уйти.

Жаль…

Компанию жаль, хотя тут она уже позаботилась. Пакет документов подготовлен, с ее стороны все подписи проставлены – фирма отойдет в хорошие руки одного из ее соперников.

Софья усмехнулась, вспомнив, как она появилась на пороге кабинета Орлова. Она терпеть не могла этого сноба, который возводил свой род чуть ли не к князьям Орловым и, по слухам, не сильно лгал, но признавала его достоинства.

Ей бы да лет на тридцать поменьше – точно б его не упустила.

Орлов, в определенных кругах прозванный Князем, не был особенно красив, но порода в нем была, несомненно. Светлые волосы, черные брови, темно-карие глаза, орлиный нос и тяжелый подбородок. Такие лица часто глядят со старинных портретов.

– Максим Венедиктович, день добрый.

– Софья Романовна, рад вас видеть.

Не рад. И Софья это отлично знала. Она у него пару дней назад увела миллионный контракт, просто чтобы победить, чтобы доказать, что она это может. Но воспитание – страшная штука, оно не позволит вышвырнуть в окошко пожилую даму, даже если очень хочется. Вот киллеру проплатить… хотя это уже не нужно, ничего не нужно.

– Максим, давайте без церемоний, – Софья тяжело опустилась в кресло. – Я старше вас почти вдвое.

– Вы мне льстите, – усмехнулся Орлов.

Женщина передернула плечами. Ей – под шестьдесят, ему – за тридцать, нелепо кокетничать…

– Я пришла к вам с предложением, от которого вы не сможете отказаться.

– Вот как?

– Я предлагаю вам слияние наших компаний.

– Простите, Софья Романовна, от этого предложения я отказаться…

– Не сможете, – спокойно оборвала его Софья. – У меня неоперабельная опухоль мозга. И жить мне осталось недолго. Поэтому я здесь, вместо того, чтобы разорить вас и сожрать.

Максим сидел молча несколько минут. Потом поднял на Софью глубокие темные глаза.

– Не могу сказать, что мне жаль. Я вам сочувствую, да…

– Но я попортила вам слишком много крови, знаю. Это сейчас ненужная лирика. Скоро меня не станет, но моя компания, в которую мы с Владимиром вложили все, из-за которой он жизнью поплатился… я не хочу, чтобы она погибла вместе со мной.

Максим опустил ресницы.

– Ваши условия?

Условия были идеально просты. Софья продавала свою компанию Максиму за крупную сумму денег. Но поскольку компания стоила гораздо дороже, за ней оставались десять процентов акций, которые переходили к ее наследникам. И им же выплачивались определенные суммы на жизнь из дивидендов с компании. Софья осознавала, что просто дарит семьдесят процентов своего дела, но…

– Это слишком щедро.

– Знаю. Вас это тревожит? Умирающий человек может себе позволить тратить деньги.

– Не хочу грабить вашего сына.

– Он не имеет к компании никакого отношения. Выгоните вы его после совершения сделки или оставите, не играет никакой роли. Я не доверила бы ему и хомячка, не то что строительную фирму. Впрочем, вы можете дать мне еще одно обещание – и сдержать его.

– Какое же?

– Когда у меня появятся внуки – вы присмотрите за ними. Если там будет кто-то достойный… помогите ему или ей реализоваться на первых порах. Этого будет достаточно…

Сквозь воспоминания пробился посторонний звук. Софья повернула голову, глядя на соседку.

– Да?

– Может быть, вам помочь… с судном?

– Вы сами едва на ногах держитесь, – оценила Софья состояние подруги по несчастью.

Женщина улыбнулась.

– Да, я тоже та еще растяпа. Небезызвестный Семен Семенович Горбунков рядом со мной – образец ловкости. Представляете, шла домой мимо стройки – и получила по голове кирпичом.

– Хорошо, что вы живы остались.

– Да, могла умереть. Но ничего страшного, простое сотрясение мозга. – В голубых кукольных глазах плеснулась боль – странно. – Пару дней полежу – и домой выпишут.

Софья опустила ресницы.

– Мы с вами товарищи по несчастью. Как вас зовут?

– Софья Петровна. Романова. Можно Сонечка.

– Софья Романовна. Ромашкина.

– Значит, еще и тезки.

– Вот… – Вернувшаяся медсестричка протягивала Софье сумочку. Женщина взяла ее и едва не застонала от боли. Приподнять голову и то было непосильно. Все же вытащить телефон из сумки ей удалось. И даже пятьдесят долларов из отдельного кармашка.

– Возьмите. Это вам за помощь.

Девочка попыталась отнекиваться, но Софья и не таких строила. И пока медсестричка решала, куда деть привалившее богатство, набрала номер.

– Максим, здравствуйте. Не могли бы вы ввести в действие наш план чуть пораньше? Я сейчас лежу с сотрясением мозга… где?

– Вторая травматология…

– Во второй травматологии и не смогу позаботиться о фирме. Хотелось бы, чтобы вы пораньше взяли бразды правления в свои руки…

– Хорошо, – отозвались в трубке.

Орлов отключился. Софья вздохнула. Сначала дождемся врача, потом будем звонить родным.

* * *

Врач, мягко говоря, не обрадовал. Сотрясение мозга было в наличии. И хорошо бы даме полежать недельку, можно и у них. Мы, конечно, понимаем, что у нас не такие хорошие условия, как в частных клиниках, но недаром же говорят: «полы паркетные, врачи анкетные». А врачи у нас действительно хорошие.

И вам, с вашей болезнью – ну да, рентген вам ведь делали, и томограмму, и ЭЭГ, так что мы все видели, – лучше полежать. Хотя бы пару дней и спокойно.

Компьютер?

Документы?!

Простите, вы можете хоть всю больницу купить и меня уволить к чертовой бабушке, но – нельзя! Пару дней, так точно!

Софья подумала – и согласилась полежать. Сотрясение мозга штука такая. Комп нельзя, телевизор нельзя, сотовый и тот бы отобрали, но не рискнули жизнью. А лежать дома и думать о своей безнадежности?

Лучше уж здесь. Тут и медсестричек погонять можно, и с соседкой посплетничать… здесь она не останется одна.

* * *

Софья Петровна, она же Соня или Сонечка для семьи, друзей и коллег, с интересом изучала соседку. Любопытная личность, определенно.

Уже под шестьдесят, но выглядит лет на десять моложе, истинный возраст выдает кожа на руках и на шее. Подтяжками и пластикой эта дама явно пренебрегает, хотя могла бы себе позволить и не такое. Одна сумочка чего стоит!

Пару тысяч долларов, несомненно. Телефон из последних моделей, в котором даже спутниковая связь наверняка есть. А еще такие вещи, заметные каждой женщине, как стрижка, маникюр, педикюр… ухоженность и холеность. Чувствуется, что эта женщина

может позволить себе многое – и позволяет.

И в то же время…

Был в соседке какой-то заметный, ясно видимый надлом. Хотя ей ли кидаться камнями…

Сонечка уже совсем было собралась заговорить с новенькой, когда дверь распахнулась и в палату вошли…

Это была своеобразная процессия из трех человек.

Впереди шел симпатичный мужчина лет тридцати, весьма похожий на пострадавшую… Мать? Возможно. Светло-русые волосы пыльного оттенка, серые глаза, выразительное лицо, но скользит в нем, как медуза под поверхностью воды, какая-то внутренняя вялость, безынициативность. И как радужный взблеск из-под поверхности проскальзывает в безвольном подбородке, в изгибе губ…

Стройная фигура уже начинает чуть оплывать в районе талии и бедер, но дорогая одежда удачно маскирует этот недостаток. А деньги на счету замаскируют его еще качественнее.

За ним шла дама из разряда «дам, как не дам?». Эту можно было классифицировать без всякой неопределенности. Платье-«презерватив» красного цвета, щедро осветленные волосы, на которые не пожалели перекиси, полкило краски на лице, дорогие и довольно безвкусные украшения на всех доступных местах и даже маленькая татуировка на щиколотке. Изображавшая амурчика, пробивающего стрелой сердце цвета артериальной крови.

Третьим шел светловолосый мужчина лет сорока. И вот о нем Софья могла сказать, что это действительно мужчина. Можно даже с большой буквы.

Такие не будут сажать даму поперек чумазой лошади и увозить в светлое будущее с тараканами и крысами в фамильной халупе. Такие сначала обеспечат всем необходимым своих родных, а потом уже… нет, потом они тоже не отправятся геройствовать. Ибо незачем. Им и в обычной жизни подвигов хватает. И не они за принцессами ездят, а принцессы за ними, еще и бога благодарят потом за таких спутников жизни.

Софья Романовна тоже приоткрыла глаза. И Софья Петровна едва не присвистнула самым вульгарным и простонародным образом.

Чтобы вот так преображаться в один миг?

Это уметь нужно…

Только что женщина на кровати была разбитой и сломленной, усталой и измученной головной болью, она просто разваливалась на части, не в силах взять себя в руки. Сейчас же перед вошедшими предстала железная леди, рядом с которой даже Маргарет Тэтчер выглядела бы бледновато – благо обе выковали себя самостоятельно и силой духа не уступали иным мужчинам.

В карих глазах блеснула сталь, улыбка стала откровенно ехидной.

– Сынок! Максим. Рада вас видеть, мальчики.

Девица была проигнорирована с истинно королевской непринужденностью. Софья Петровна даже позавидовала. Ей так никогда не удавалось.

– Мама…

Блондин постарался улыбнуться, но удалось ему это из рук вон плохо.

– Да, это, безусловно, я. И я пока жива.

– Никто в этом и не сомневался. – Второй блондин сделал шаг к кровати, подхватил руку лежащей и запечатлел на широкой, явно рабоче-крестьянской кисти изысканный поцелуй.

Действительно поцеловал, а не притворился. – Я всегда был уверен, что вас так просто не убить.

– Вы не пытались, Максим.

Орлов, а это был именно он, усмехнулся в ответ на попытку пошутить.

– Вы так в этом уверены, Софья?

– Было бы уверено УВД, – усмехнулась женщина.

– Мам, мы тебя отсюда забираем…

Софья даже и не подумала сменить позу. Но столько льда проскользнуло в голосе…

– Мы?!

– Мы с Мариной…

– И куда же вы меня забираете?

– Д-домой…

– Надо полагать, ко мне? Нет уж, сынок, – слова звучали откровенно издевательски. – Уволь меня от общения с твоей… обожэ.

Девица вспыхнула.

– Софья Романовна, я понимаю, что вам не нравлюсь, но ради Вадюши вы могли бы дать мне шанс.

– Любезнейшая, – Софья цедила слова с неприкрытой насмешкой, – я принадлежу к другому полу, отличаюсь натуральной ориентацией и в ваших услугах не нуждаюсь.

Девица топнула ногой. Лицо ее, что было заметно даже под слоем макияжа, постепенно сравнивалось цветом с платьем.

– Софья Романовна, вы можете издеваться сколько угодно, но…

– Сударыня, насколько я помню, вы пришли в мою компанию как специалист по связям с общественностью. Связывались вы с общественностью часто, работали с огоньком и энтузиазмом, причем как вне, так и внутри компании, защитных средств не использовали, а в результате моя компания была вынуждена оплатить порядка восьми счетов из клиники, где лечились пострадавшие сотрудники. Я уж молчу про их жен. Вы хотите сказать, что если я дам вам шанс – вы будете осторожнее? Или перейдете на оральный секс?

Девица стала вовсе уж красной и вылетела вон, оглушительно хлопнув дверью. Наверное, только Соня заметила, как тень пробежала по лицу Софьи Романовны. Шум был мучителен для женщины.

– Мама! – страдальчески возопил Вадюша. – Я понимаю, что ты не любишь Марину…

– Вадим, – оборвала его женщина. – С собранной информацией о твоей псевдодевушке ты можешь ознакомиться в СБ компании. А сейчас покинь меня, будь любезен. Максим, вы останетесь ненадолго?

– Как прикажете, Софья Романовна.

Вадим, пыхтя, как подходящий к станции паровоз, вылетел вслед за своей дамой.

– Униженные и оскорбленные, – усмехнулся Максим.

– Вот-вот. Максим, вас не затруднит примерно за четыре дня организовать мне сиделку? Раньше я отсюда все равно не выйду, а потом дома мне нужен будет грамотный специалист.

– Одно ваше слово – и я перевезу вас в другую клинику…

Губы женщины тронула кривая улыбка.

– Максим, я не вижу принципиальной разницы между тем и этим. Что мне могут предоставить там, чего нет здесь? Паркетные полы? Кашу на мейсенском фарфоре? Отнюдь. Капельницы, уколы, обследования – везде одинаковы. Работать я все равно не смогу, а врачи,

возможно, здесь и опытнее, чем в платных клиниках. По крайней мере, они сразу определили мою болезнь и не стали это скрывать.

– Как пожелаете. Но охрану я поставлю?

– Не стану вас отговаривать. Приятно видеть, что вы так печетесь о больной старухе…

– Будь я лет на пятнадцать постарше, Софья Романовна, мы бы еще поговорили о нашем возрасте, – прищурился мужчина.

Софья пожала плечами.

– Вы не возражаете, если я буду иногда звонить и интересоваться процессом смены власти в компании? Лежать бревном довольно скучно…

– Буду счастлив, – Орлов изобразил легкий полупоклон. – Разрешите откланяться?

– Кланяйтесь. И униженных с собой заберите.

Мужчина действительно изобразил легкий поклон – и улетучился из палаты. Две Софьи переглянулись.

– Может быть, позвать вам врача?

– Не стоит, – Софья Романовна коснулась рукой лба. – Вас не затруднит чуть-чуть со мной побеседовать? Нужно успокоиться…

– Хотите, я расскажу вам о своей семье?

– Буду очень признательна…

Соня коснулась руки соседки. Пульс действительно частил. И она заговорила.

Две Софьи оказались еще и почти ровесницами. Но к Сонечке жизнь была благосклонна. Родилась в этом городе, рано вышла замуж – лет в семнадцать – за парня старше ее на четыре года. Скоро они будут справлять сорокалетие брака. Хорошая крепкая семья, он – архитектор от бога, она – портниха, так что даже самые тяжелые годы пережили более-менее спокойно, не голодали и бутылки по помойкам не собирали. За длинным рублем тоже не рвались, просто были всем довольны – и получили свою награду. Домик за городом, роскошный сад на двенадцати сотках, четверо детей, уже шесть внуков – пятеро мальчишек и девочка… Одним словом, сплошное счастье. Единственный минус – Софья последнее время постоянно попадала в мелкие неприятности. А так… счастье оно и есть счастье.

Софья Романовна слушала, поддакивала и постепенно успокаивалась. А потом решила рассказать и о себе.

Ее судьба оказалась иной.

Девочка Софья родилась в деревне с лирическим названием Гадюкино-второе. Да, было и первое – две деревеньки рядом с болотом. И гадюк там было немерено.

Видимо, чему-то Софья у них научилась. Кусаться ядовитыми зубами, сбрасывать шкуру, проползать всюду, куда пожелает, и это немало помогло ей в жизни.

Шестнадцати лет от роду девочка уехала из родимого села поступать в университет. За спиной оставила выпивающего отца, безуспешно бьющуюся с огородом и хозяйством мать, двух братьев и сестру. И никогда о них не вспоминала. Да и те не искали родственницу. Уехала – так уехала, умерла – так умерла.

В городе она благополучно провалилась на выбранный факультет. Еще бы, конкурс на физмат был бешеный. До десяти человек на место. И деревенщине среди них места не было.

Впрочем, Софья не расстроилась. Отлично понимая, что возвращаться ей и некуда, и незачем, она начала искать работу и нашла ее. На стройке.

Каково это для женщины?

Адски и каторжно тяжело. Стройка – мужское дело и мужское место. Но Софья

стиснула зубы. Неожиданно для нее самой, ей понравилось…

Не ворочать кирпичи и клеить обои, нет. Ей понравилось, как из чертежей на бумаге возникают дворцы. И на следующий год она уже подавала документы в архитектурно-строительный. С большим практическим знанием предмета.

Но и поступив, Софья не стала расслабляться. Она продолжала работать, училась, а вскоре и вышла замуж.

Избранником ее стал не симпатичный плотник Миша, по которому сохла половина девушек стройки, и не дюжий прораб Виталик, по которому сохла вторая половина, нет. Софья выбрала скучноватого бухгалтера Володю, на которого девушки и не глядели. Невысок, сутуловат, хлипковат, не пьет, на гитаре не играет – кому такой нужен? Да еще и живет с мамой! Фу!

Но Софья не прогадала.

Супруги создали отличный тандем. Володя жил в мире цифр, а у Софьи обнаружилась недюжинная деловая хватка. Она сколотила несколько бригад, которые подрабатывали в обход закона и порядка, и принялась зарабатывать деньги. Супруги вступили в кооператив, а лет через семь после свадьбы родился и сын. Вадик.

Любимый и заранее обласканный. Увы – не матерью. Бабушкой со стороны отца и нянькой. На дворе стояла середина восьмидесятых, нос Софьи ощущал запах жареного – и она твердо понимала, что скоро что-то грянет. А значит – надо действовать, пока есть возможность.

Перестройку Софья и Владимир встретили во всеоружии, с неплохими подкожными запасами и желанием дальше делать деньги. И тут проявился талант Володи.

В период приватизации мужчина умудрился наложить лапу на лесопилку и на заводик по производству кирпича. Софья прикинула хвост к носу, стряхнула пыль со своего диплома, обзвонила однокурсников, выбрала тех, кто готов был работать и желал зарабатывать – и принялась строить дома. Под заказ, из своего кирпича и своих досок, с полной отделкой и предварительной оплатой, а то как же!

Времена стояли шальные, деньги крутились дикие – и Софья делала все, чтобы те не пролетели мимо рук ее мужа. Стройку она знала досконально, а что делать с прибылью – знал Владимир. И супруги принялись постепенно приумножать свое благосостояние.

Любовь? Сложный вопрос. Они были союзниками, соратниками, супругами, которые понимали друг друга с полумысли. Вряд ли это то, что поэты изволят описывать в стихах. Это неизмеримо большее – делить на двоих все, вплоть до последней мысли.

Тандем разрушился в конце девяностых, когда Володю настигла шальная пуля. Ну, совсем шальной она не была, и Софье потребовалось около двух месяцев, чтобы вычислить заказчика. Точнее ее службе безопасности, в которую уже тогда входило множество профессионалов из отставных милиционеров, да и не только милиционеров.

Месть – разрушающее чувство?

Как сказать… В данном случае оно было скорее созидающим.

Человек, виновный в заказе, прогуливался по стройке, чисто случайно упал в недоделанный подвал, да так неудачно, головой в мешок с цементом. Там и зарыли. Чтобы здание дольше стояло и не падало. Раньше, говорят, кого-нибудь под углом замка зарывали, ну вот и…

И Софья принялась строить империю дальше.

Сейчас она была владелицей заводов, газет, пароходов, обладательницей счетов, суммы

на которых измерялись шестью и семью нулями…

Подлянку подкинул родной сыночек.

Занятые по уши собственным бизнесом, что Владимир, что Софья ребенком не занимались. Результат оказался печален.

Дитятко ходило в художественную школу, считало себя талантливым художником, хотя, по мнению Софьи, талант сына происходил, скорее, от слова «худо». О бизнесе мальчик – которому перевалило за четверть века! – говорить отказывался, а складывая двадцать пять и двадцать шесть, каждый раз получал разные результаты.

Софья честно попыталась пристроить сына к делу, в пиар-отдел. Увы, знать бы, где упасть…

Там Вадика и захомутала Марина. Да, та самая. Да, связь с общественностью. Да, благополучно выгнанная. Увы, Софья могла выгнать ее из фирмы, но не из постели Вадима. Наглая девица крутила сыном как хотела, но, что печально, не изменяла ему. Не хотела получить пинок под копчик. А сейчас…

Сейчас она и вовсе подомнет этого рохлю.

Обидно…

Софье бы пожить подольше, она бы разобралась. Но времени уже почти не оставалось.

– Почему? – не поняла Сонечка.

– А я умираю, – Софья не видела смысла скрывать истину. – У меня неоперабельная опухоль мозга. Месяца три-четыре… Собственно, Максим Орловский, ну, вы его видели…

– Симпатичный мальчик…

– Вот он и станет моим преемником. Не хочу отдавать «Власа» в чужие руки.

– Власа?

– Моя компания. ВЛАдимир и Софья. Соединили и сократили до ВЛАСа.

– Ой…

Сонечка вспоминала, где она слышала об этой компании.

– У вас же моя внучка стажировку проходит!

– Как ее зовут?

– Андреева, Лидия…

– Ага, Лидия Константиновна. Знаю такую, умная девчушка. Если работы не побоится, лет через пять-семь у меня до начальника отдела дорастет… ох… Уже не у меня.

Сонечка смотрела с сочувствием.

– Мне так жаль…

– Знаете, мне тоже. Но сделать все равно ничего нельзя. Даже если бы придумали методику трансплантации, мне бы это уже не помогло. Мозг-то разрушается…

– Никогда бы не сказала, глядя на вас.

– Это пока. Вот месяца через три меня уже не будет. Лишь полубезумная старуха, воющая от боли. Чужой человек в моем теле. Совсем иной… хорошо, что я этого уже не увижу.

– То есть?

– Это ведь буду уже не я. Не совсем я. И это единственное, что утешает. Ну и ВЛАСа я пристроила в хорошие руки.

– А сын…

– Не пропадет. Завещание составлено не у нас, за бугром, там можно многое оговорить и даже фонд создать. Поживет сыночек на проценты от доходов, а руки в основной капитал не

запустит ни он, ни его… бляндинка.

– А если…

– Он может получить всю сумму, но при одном условии. Что заработает не меньше, чем там есть.

– Думаете, это реально?

– У меня же получилось, чем он хуже? Или мои внуки? Почему я должна заранее не верить в их таланты?

Сонечка улыбнулась. Софья была чертовски своеобразным человеком, но общаться с ней было интересно. Хотя это наверняка потому, что не надо было ничего делить или делать вместе. Разве что лежать в одной палате и развлекать друг друга беседой. И им это вполне удавалось.

* * *

До вечера собеседницы вполне смогли оценить друг друга.

Сонечка была записана Софьей в разряд домашних клушек. Удобных, уютных, жизненно необходимых любому нормальному мужику, если он не ударен плейбоем по одному месту. Такие будут вести дом, рожать и воспитывать детей, виртуозно кроить семейный бюджет и извлекать из любой ситуации максимум выгоды для семьи.

Если мужчина женится на такой, он, конечно, может сходить погулять, но вернется всегда. Потому что нигде и никогда ему не будет лучше, спокойнее и уютнее, чем в родном доме.

Софья тоже была оценена Сонечкой и получила ярлык некормленой кобры. Но достаточно приличной. Да, врагов Софья и жрала и кусала без разбора, придерживая зубы и жало только в том случае, если промолчать сию минуту было выгоднее, а укусить потом – больнее.

Ну и что? Враги тоже не придерживались вегетарианской диеты, а за своих Софья готова была в огонь и в воду. Жаль только, что «своими» она числила исключительно фирму. Сын уже не дотягивал до высоких стандартов разочарованной женщины.

– Не знаю, как я смогла бы отказаться от родного ребенка? Что бы он ни натворил…

– Сонь, ну ты же умная женщина, – Софья чуть сморщила нос. – Хорошо, когда от твоего сыночка ничего не зависит, кроме его семьи. И то – с детьми и деньгами вы ведь любому своему ребенку поможете, ты сама говоришь, что вы их воспитывали в традициях взаимовыручки…

– Естественно! Кто может быть ближе и дороже родных?

– Деньги. Даю бесплатный совет, хотя подозреваю, что ты к нему не прислушаешься. Заранее распределите все наследство между детьми и сообщите им о своем решении. А еще объясни, что пересматриваться ничего не будет, хоть они на уши встанут и ногами в воздухе задрыгают. Поняла?

Сонечка пожала плечами. Бесплатный совет, увы, потому и бесплатный, что никому на фиг не нужен и очень часто зря.

– Может быть, я так и сделаю…

Лицо Сонечки помрачнело.

– Ты что? – удивилась Софья. И заметила у двери в палату человека. Как он смог

прийти, как сумел просочиться так бесшумно, что две чуткие женщины не услышали не то, что шагов, но и скрипа старой двери?

– Вам что угодно, любезнейший?

Мужчина окинул две кровати равнодушным взглядом мальчика на побегушках. А что, сказали бегать – он и будет бегать, а куда, зачем, для чего – это ему как раз безразлично, думать-то хозяин не приказывал…

– Софья Романова…

– Я слушаю?

Софья просто не расслышала после сотрясения мозга. Чего уж там, Романова – Романовна, отличие всего в одну букву…

– Меня просили передать вам эти книги и напомнить, что завтра полнолуние.

Софья хотела было как следует расспросить и отчитать зарвавшегося нахала, но…

Такие взгляды она кожей чувствовала. Сонечка буквально впилась в нее глазами, умоляя молчать – и женщина не смогла отказать соседке в этой просьбе.

– Сгрузите все на тумбочку, сударь. И можете быть свободны.

Пусть в жилах Софьи не текло ни капли дворянской крови, это не так важно. В любой династии всегда есть родоначальник, который пробился из низших слоев общества, растолкал локтями сэров и пэров и нагло заявил: «Мне предки не нужны, я сам – великий!» Уж что другое, а распоряжаться обслуживающим персоналом женщина научилась просто виртуозно, властности у нее на троих хватило бы. И мужчина повелся.

Сложил все на тумбочку рядом с кроватью, изобразил легкий поклон, пусть одним наклонением головы, но и то неплохо, и вышел вон. Софья помолчала минут пять, чтобы посетитель ушел подальше, а потом скосила глаза на соседку.

– Ну, рассказывай? Это что еще за явление хвоста народу?

Сонечка вздохнула – и заговорила.

– Софья, ты вот взрослый разумный человек…

Да уж хотелось бы надеяться, – мысленно прокомментировала Софья, но вслух говорить ничего не стала. Соседка и без того не особенно была адекватна.

Оставалось только внимательно слушать.

– Я вообще похожа на сумасшедшую?

– Вообще не похожа. А надо?

– Да ты понимаешь, тут такая идиотская история…

Как оказалось, за пару месяцев до сотрясения мозга к Сонечке на улице подошла женщина. Высокая, худощавая, зеленоглазая брюнетка в костюмчике, который стоил не дешевле иного «Мерседеса».

– Я не бог весть как разбираюсь в модных фирмах, но такие вещи отличить могу, да и какая женщина не сможет, если сама хоть чуть шьет? – рассказывала Сонечка.

Брюнетка назвалась Пелагеей, пожелала заказать шторы на окна и обещала прийти на следующий день, чтобы обсудить заказ.

Пришла. Шторы она заказала, а еще часа полтора расспрашивала Сонечку о ее семье, причем делала это так искусно, что та и сама не поняла, как все выложила. А вот когда явилась за заказом…

– Софья, вы знаете, что ваша фамилия не случайна?

– В каком смысле не случайна?

– Вы действительно Романова – по крови.

– И что?

Сонечка не меняла свою фамилию на фамилию мужа по вполне адекватной причине. Напротив, муж принял фамилию жены, потому что до брака носил звучное имя рода Козловых и уже лет двадцать как устал от шуточек типа «Командир взвода Козлов», «А вас, Козлов, попрошу остаться» и прочей гадости в меру фантазии приятелей.

– Софья, вы не поняли. Вы действительно Романова. Одна из потомков русских царей.

Сонечка даже пальцем у виска крутить не стала, все и так было понятно по ее глазам. Но Пелагею это не смутило.

– Настоящая Романова.

– И что с того?

– На самом деле вы происходите от Софьи Алексеевны Романовой и ее любимого мужчины Василия Голицына.

– Чушь какая-то…

Иначе Софья просто не могла среагировать. И Сонечка закивала.

– Вот и я так сказала. А эта женщина сообщила, что у Софьи был ребенок. Мальчик. Его якобы вывезли и спасли.

– От кого?

– Когда Петр Первый пришел к власти, он начал вырезать всех, кто поддерживал Софью…

– Ну это и сейчас не редкость. Правда, теперь чаще стреляют или в бетон закатывают, – усмехнулась Софья.

– Вот. Якобы они эту ветвь проследили до наших дней – кого удалось. И во мне течет кровь Романовых.

– Так они, простите, не монахами жили. Начиная с того же Петра, кстати правда, что он померши от сифилиса?

– Не знаю. Вроде как от осложнения, полученного в процессе болезни. Но дело не в этом. Понимаешь, они уже были не Романовы.

– А кто?

– Ну, там как-то хитро кровь смешалась. Примерно с Екатерины – которая Вторая – там уже и крови настоящей не было, а значит, и концов не найти…

– Ага, а твоя якобы настоящая. И чем это грозит?

– А дальше начался вовсе уж непотребный бред. Якобы Россия нарушает мировое равновесие.

– Можно подумать, мы этого хотели…

– Не хотели. Но есть несколько ключевых точек, на которых Россию можно перенаправить на иной путь.

– Домкратом?

– Почти… ты термин «переселенец» слышала?

– Не-а…

Софья не лгала. Некогда ей было разбираться в фантастике. Некогда и неохота.

– У Рэя Брэдбери был рассказ – там человек раздавил бабочку, и из-за этого куча катаклизмов случилась.

– А, что-то такое мне сын рассказывал, – припомнила Софья. – И что? Срочно бежим давить бабочек?

– Угадала. Гость из будущего может развернуть историю. И в настоящем времени у нас

окажется не Россия, а, например, Русь. Или Руси вообще не окажется…

– А от тебя какой вариант требуется?

Сонечка опустила глаза.

– Как я поняла – второе.

– Во-от как? А морда у них не треснет?

Патриоткой Софью назвать было сложно, но здесь ее сын, ее компания, могилы ее родных, наконец… Что за наглость? Не нравится вам Россия – так свалите в демократию! Меньше вони – больше места!

– Не знаю… А что я могу сделать?

Софья фыркнула. Звучало все это сюрреалистично, но чем-то же надо заниматься, пока голова болит?

– А что собираются сделать они?

– Как я поняла, в ближайшее полнолуние они собираются провести какой-то ритуал и переселить мою душу в тело одного из моих предков. После этого она – то есть я, мы должны будем сделать все, чтобы Россия не сорвалась в очередной кризис. Это вкратце.

Для Софьи такие заявления всю жизнь были поводом вызвать психиатра. Бред собачий!

– Че-го?!

– Вот и я также была в шоке.

– Слушай, а тебе не кажется, что с таким вопросом им не к тебе, а к ближайшему психиатру?

Сонечка тяжело вздохнула. Опустила глаза.

– Я их и послала. А они сказали… Сонь, у меня дети, внуки…

– Еще и шантаж? Сонечка, по ним тюрьма плачет. Давай я дам приказ своим эсбэшникам?

– Приказ ты дать можешь. А много они сделать успеют? Век же они меня охранять не будут… И моих родных тоже…

Софья вздохнула. Задумалась.

– Вообще, тут проблема. Понимаешь, проще размотать клубок, чем кого-то охранять. Я могла бы за тебя вписаться, но мне жить осталось пару месяцев, а мой преемник шевелиться не станет, пока не получит полной информации. А тебе это время легче и лучше никак не будет…

– Вот именно.

– Так что они от тебя требуют?

– Чтобы я пришла в полнолуние на ритуал.

– И когда это?

– Через два дня.

Софья прикусила губу.

– Значит, ты идешь на какой-то ритуал, с нехилым шансом распроститься с жизнью, и все ради того, чтобы не тронули твоих родных?

Комментарии, как говорится, были излишни.

Софья вздохнула.

– Сонь, а им обязательна – ты?!

– Видимо, да.

– А если тебя кто-то заменит?

Две женщины переглянулись. Медленно, очень медленно возникало понимание.

– Софья, ты хочешь…

– Ну, как-то да. А что? Мы ведь похожи…

Действительно, между женщинами было много общего. Обе среднего роста, обе с чуть оплывшими в период климакса фигурами. Софья более ухоженная, Сонечка более домашняя, у первой дорогая укладка, волосы темно-русого цвета, у второй светло-каштановые, у одной глаза карие, у второй голубые…

– Так, ну волосы мы покрасим. Плюс повязка на голову. Лица… вроде неплохо. Ни родинок, ни шрамов, чуток грима нанести – и будем копиями. Может, пару гримерских накладок сделать?

– Ты это всерьез?

– Более чем. Сейчас своему стиляге позвоню…

– Кому?

– Стилисту.

Сонечка улыбнулась.

– И что он сделает?

– Виталик? О, в этом плане он волшебник. Чего он только не может сделать с человеком. Надо его в день перед полнолунием пригласить и пусть поработает.

– Софья, а зачем тебе это нужно?

Софья вздохнула.

– Сонь, я ведь умираю. Месяцем больше, месяцем меньше… ну и есть разница?

Сонечка вздохнула.

– Знаешь, я бы не удивилась, окажись ты истинной Романовой. Это так благородно…

– Сонь, я же сказала – я умираю. Покончить с собой у меня духу не хватит. Длить агонию – тоже тошно, так что остается? Только рискнуть собой…

– Софья…

– Все, завязали. Зачем тебе притащили эту… – Софья пробежала глазами по корешкам книг и поморщилась. Даже три строчки вызвали тошноту, – псевдоисторическую галиматью?

– Чтобы после переселения души я бы знала хоть что-то… вот ты много знаешь по истории России?

Софья задумалась. Вообще-то ее знания исчерпывались малым.

Был Петр Первый, который лез в Европу через окно. Видимо, потому к России до сих пор в Европе так и относились. И Софья их могла понять. К вам бы кто через окно полез – вы бы его сначала табуреткой, а потом в милицию – или поговорить попытались бы? Вот то-то и оно…

Была Екатерина, которая гуляла со всеми Орловыми, а потом померла.

Был Николай Второй, который про… какал все войны, которые вел. И помер в доме какого-то купца от несварения желудка. Свинцовые пилюли, ага?[1]

В принципе, это и все, о чем Софья и сообщила.

Сонечка вздохнула.

– Вот и я не больше. Позор…

– Не то слово, – поддакнула Софья, хотя никакого позора за собой не знала, на то историки есть – пусть у них голова и болит. И вообще, лично она в прошлом не была, так что верить никому не собиралась. Историю всегда пишут победители – и под себя. Генетика – продажная девка капитализма? Уж как историю прогибали и в каких позах – генетике и не снилось.

– А если это увенчается успехом? Если… Это правда?

Софья покрутила пальцем у виска.

– Сонечка, лапочка, одумайся! Если бы все было правдой, эти типы давно бы миром правили!

– А если они не могут? Ну, как масоны…

Софья фыркнула.

– Сонь, править или хотят или не хотят. При наличии таких возможностей, как манипуляция прошлым – и, соответственно, будущим, эти типы должны быть… ну, тут одно из двух. Либо у них мегавозможности. Либо – крыша, которая съехала вместе с фундаментом.

– А одно с другим не сочетается?

– Не-а… При наличии мегаглупости мегавозможности довольно быстро скатываются до мини-возможностей.

Сонечка фыркнула.

– Софья, ты невероятная.

– Знаю.

И она действительно знала. Девяностые годы лишили страну многих талантов, уничтожили половину поколения, но те, кто смог выжить и пробиться из своего слоя в новый определенно были личностями. Хорошими ли, плохими… да тут не определишь. Но – личностями.

– А может, тебе все-таки что-то почитать?

– Сонь, ну чему это поможет?

– Мало ли…

– Обещаю. Если попаду в прошлое, буду десятками давить бабочек. Чтоб вымерли все демократы, – усмехнулась Софья. – А если серьезно… у тебя как с теорией относительности?

– Плохо.

– Вот и у меня тоже. Но варианты я могу прикинуть. Первый – это розыгрыш и мистификация. Второй – местные сатанисты. Третий – это реальность. После того, как один мой знакомый лечил геморрой Кашпировским, прикладывая голый зад к телевизору, можно и не в такое поверить…

– Серьезно?

– Он же поверил. Правда, пришлось уволить. Мне бухгалтер с таким сдвигом в мозгах не нужен.

Сонечка фыркнула.

– Вот, если это реальность…

– Не верю я в это. А если… там и будем посмотреть.

– Может, я тебе хоть расскажу, что сама успела прочитать из истории?

Софья вздохнула. Но лежать было еще долго, читать больно…

– Рассказывай.

* * *

Виталик оказался весьма симпатичным молодым человеком с выкрашенными в шесть

разных цветов светлыми волосами и гламурными манерами. Которые отставил в угол сразу же после неодобрительного взгляда Софьи.

– Понял, уже исправляюсь, простите, вьедается…

Куда что и делось? Серьезнее стало лицо, строже глаза, собраннее движения – теперь диссонирующим элементом казались разноцветные волосы и гламурная одежда. А так, стилист по серьезности мог бы дать фору какому-нибудь шахматисту.

– Знаю.

– Софья Романовна, какая задача?

– Сделать из нас копии. Точнее из меня – копию Сонечки. – Софья указала на ошарашенную превращением стилиста соседку. И усмехнулась при виде ошеломленного лица.

– Сонечка, выдохни. Витя – нормальный парень. Просто сейчас мода на гей-парад.

– Ага, у меня и парень есть.

– Знаю я твоих парней, – Софья поморщилась, когда стилист принялся избавлять ее от повязки на голове. – Ты представляешь, этот герой подбирает мальчишек после детдома, дает им профессию, учит, выводит в жизнь… оплату берет натурой. Живут в одной квартире и притворяются парой.

– Притворяются?

Виктор скривился.

– Простите…

– Сонечка.

– Тоже?

– Не отвлекайся.

– А я все равно не любитель зады повторять, – фыркнул мужчина. – Вот будь вы, Софья Романовна, лет на десять постарше…

– Был бы ты, Витя, лет на десять помладше, – привычно отозвалась Софья. – Я б тебя усыновила и не парилась бы с имиджем.

– Но вы уверены, что надо портить такие волосы?

– Вить, сделай, а?

Этого оказалось достаточно, чтобы стилист принялся за дело. И вечером – вечером друг на друга смотрели две копии Сонечки. Одинаковые волосы, одинаковые черты лица, глаза (контактные линзы), улыбки, жесты, даже фигуры…

Шок – да и только.

Сонечка вульгарно присвистнула, глядя в зеркало.

– С ума сойти.

– Вот уж не надо. Завтра Витя нас еще навестит с утра и будем готовиться. Кроватями поменяемся на всякий случай…

– Как скажешь…

Софья вздохнула. Всю жизнь все делали, как говорила она. Исключением был только Володя, любимый муж, но там было другое. И он, и она совместно разрабатывали стратегию, тактику, совместно работали, строили, любили, воевали… они и были одним целым! А иногда хотелось побыть слабой. Иногда… раз в пять-шесть лет.

Не чаще.

Ну и пусть. Скоро все равно все закончится.

Софья не льстила себе и не рисовала радужных перспектив. Скорее всего, Сонечку

собираются убить. Кто, зачем – черт их знает. Князю она позвонила, попросила, если что, приглядеть за соседкой по палате и за ее внучкой тоже. Сын?

Сына видеть не хотелось.

Ее единственный крах. Хуже дефолта и перестройки – из тех-то она вылезла. А вот сын…

Обидно до слез, но ведь частая картина, когда у детей только что птичьего молока нет – и мозгов. А вот богатые родители есть.

Чадушко привыкло к безнаказанности, оно просто не понимает, что можно жить месяц на три тысячи, можно подкладывать прокладки в дырявые сапоги и лопать одну овсянку, лишь бы пробиться… Что самое печальное – не ради тупого накопления капитала. Если спросить любого, кто пашет на износ в бизнесе, то, скорее всего, ответ будет «чтобы мои дети жили лучше меня».

Вот дети и живут – растениями. Лучше родителей, кто б спорил. Но им и в голову не придет, что бриллиантовое колье – не показатель качества жизни, а сороковая шубка или тачка – это, в общем-то, глупо. Ты же их не наденешь одновременно? Да и не надо…

Сонечка смотрела с сочувствием. Она все это тоже понимала – и что самое приятное, не было в ней этакой бабской зависти. Вообще не было. У нее-то и дети, и внуки получились отличные.

Как же много мы упускаем…

Так люди ведь, люди, не боги!

* * *

А следующим вечером за Софьей пришли. Точнее, за Сонечкой.

Софья дружески попрощалась с соседкой, позволила подхватить себя под локоток, закутать в легчайшую и очень теплую шубу – между прочим, норка и качественная, не из кусочков, – осторожно спустить вниз и усадить в здоровущий «Лексус» одной из последних моделей. Точнее Софья не разбиралась, просто знала, что вроде такая форма фар – она из новых.

Не дороговат ли розыгрыш получается для сатанистов?

На такие бабки можно церковь построить.

Да и вообще – из осторожных расспросов становилось ясно, что денег у Сонечки шиш да маленько. Зачем крутить ее в такой комбинации? Дядюшка-миллиардер в Штатах откинулся и внучке пару триллионов оставил?

Простите – бред. Это в детективах хорошо, а в реальной жизни никак не катит. На большие деньги всегда есть наследники поближе.

Софья откинулась на подушки «Лексуса» и прищуренными глазами – контактные линзы – гадость! – смотрела в окно.

Сопровождающие молчали, она тоже молчала. Шестерок она узнавала сразу – сказался нелегкий жизненный опыт, а стало быть, и говорить с ними не о чем. Только очки потеряешь. Вот к хозяину привезут, там и побазарим за жизнь, там и перетрем…

Впервые Софья удивленно вскинула брови, когда они остановились перед Залучинской[2] церковью.

Залучинская церковь была единственной, в которую Софья ходила, хотя и очень редко,

примерно раз в полгода. Единственная, на ремонт которой она перечисляла деньги, а то делала и проще – направляла туда бригады рабочих на недельку-другую с ведома местного батюшки.

Нравилось ей здесь.

Когда рванула перестройка, Софья попробовала ходить в церковь. Ну, вроде как все ходят, а вдруг что-то в этом есть, какие-то таинства и Бог на небе…

Ага, щаз!

Разочаровалась она в церкви тогда же, в девяностые, после беспошлинной торговли алкоголем. Бросила ходить по храмам, гоняла из конторы попов и на все вопросы отвечала, что с Богом сама разберется. А вы в наш с ним интим не лезьте, а то в Швецию пошлю…

А в Залучинскую церковь Софья вообще попала чисто случайно. Ехала с турбазы, проколола колесо неподалеку и кое-как доползла до села. Местный очаг культуры, то есть пивнушку, она искать не стала, церковь была ближе, и там наверняка нашлось бы хоть два-три мужика. На религиозную ориентацию Софья внимания обращать не собиралась, умели бы колеса менять…

Церковь казалась слишком большой для Залучинска, таких и в городе не было. С высоким сводчатым потолком, рассчитанная человек на триста, со старыми иконами и неожиданно свежим воздухом. Софья привыкла к тому, что в церквях не продохнешь, а тут ладан скорее оттенял прохладу и запах старых камней…

В церкви был всего один человек – лет тридцати – тридцати пяти, вполне светский, в джинсах и старой рубашке, он протирал тряпочкой что-то блестящее и тихо напевал себе под нос. Софья вполне вежливо поинтересовалась, не найдется ли героя, способного поменять колесо у машины. Мужчина предложил посмотреть.

Колесо он поменял, а попутно они разговорились. Оказалось, что это местный батюшка. Ему, кстати, и удалось примирить Софью с верой в Христа, хотя за некоторые высказывания его бы точно попы из своих рядов поперли да еще и ногами бы побили. Он, например, считал, что надо не молиться каждый день, а жить согласно заповедям. Что лучше не делать подлостей, чем за них каяться. Что вера вечна, а патриархи преходящи, да и вообще – если пара подлецов и затесалась, так не все же плохи? Ну и прочее в том же духе.

Вот и оказался заслан в Залучинск с населением из восьми бабок да вечно пьяного тракториста Федьки. А ведь церковь там была уникальная, еще восемнадцатого века… реставрировать бы!

В завещании, впрочем, Софья отказала батюшке определенную сумму с указанием жить на проценты. А то кто их, патриархов, знает…

– Залучинск?

– Прошу вас. – Вместо ответа ей помогли выйти из машины.

Софья выпрямилась, проигнорировав предложенную руку, и вошла в церковь сама. Каблуки звонко простучали по каменному полу.

– Софья, здравствуйте. Мы ждем вас. Петр, за дверь…

Провожатого как ветром сдуло, а Софья принялась рассматривать «хозяев». Их было ровно тринадцать. Слева направо помещались черноволосая женщина с вороной на плече, двое мужчин вполне европейского облика, индус, рыжеволосая красотка, явный японец, два китайца, блондин скандинавского типа, двое мальчишек лет восемнадцати на вид, вроде как европеоиды, один тип с примесью явно индейской крови и один альбинос.

– Пелагея, добрый вечер, – Софья усмехнулась уже в своем стиле. – Скажите, это у вас

ворон или ворона? Не гадит? А то у птиц, вроде как, недержание?

Брюнетка подскочила, будто ее шилом в попу ткнули, но ругаться не стала. Судя по сдержанным улыбкам на лицах ее коллег, Софья попала в точку – и начни дама отругиваться, дело затянулось бы надолго.

– Софья Петровна, мы рады, что вы себя хорошо чувствуете, – вмешался один из европейцев.

– Я тоже рада себя чувствовать… живой, – усмехнулась Софья. Сильно она не боялась. Спустя два часа после ее отъезда Сонечка позвонит в милицию – и поднимется шум на всю область.

ВЛАС – градообразующее предприятие, эту компанию по кустам размотают. А она…

Так все равно ж умирать…

– Вам и дальше ничего не грозит, – пожал плечами альбинос. – Вы просто заснете здесь и проснетесь уже там. И будете жить дальше. На самом деле, вам бы еще многие позавидовали – получить новую жизнь, ничего не давая взамен.

– Так-таки и ничего, – усмехнулась Софья. – Давайте посчитаем на пальцах? Я оказываюсь в теле одного из моих далеких предков-Романовых, так?

Кивок альбиноса.

– Буду в нем жить и радоваться жизни. И чье это будет тело?

– Мы сами пока не знаем. На что у нас хватит энергии, то и будет.

– А если ни на что не хватит?

– Скорее всего, вы умрете. А мы определенно погибнем. Так часто бывает, если браться за дело не по своим силам. Эфир ошибок не прощает.

– Эфир?

– Это вам ни к чему.

– А что – к чему?

– Когда вы окажетесь в прошлом… скажите, вы любите свою родину?

– Это не тема для обсуждений.

Софья чуть скривила губы. Представьте себе, она родилась в то время, когда родину было принято любить и ценить. И уважать, и восхищаться, и знать, что она о тебе позаботится. Пусть потом все рухнуло, но то, что было вбито в детстве, оно и осталось. И Софья глубоко в душе знала, что готова на все ради своей страны.

Только вот что она могла сделать?

Против лома не попрешь.

– Лю-убите, – усмехнулась Пелагея. – Вот и решите, что для нее будет лучше. Власть-то у вас будет.

– Власть?

– Романовы всегда были при власти – начиная с Михаила. Думайте, что вы сможете сделать – и делайте. Не оглядывайтесь, все равно просчитать вы ничего не сможете.

– И никаких спецзаданий?

– Сонечка, а как мы сможем проконтролировать их выполнение? – усмехнулся японец. – Тут дело в другом. Будущее – понятие нестабильное. Здесь и сейчас мы не можем видеть развилки, мы осознаем их, только когда поворачивать поздно. Если в результате ваших действий ветка будущего, на которой вы будете находиться, станет более устойчивой, то наша рано или поздно сольется с ней. И мы сможем переступить порог, совместной энергии на это хватит.

– А хватит ли вашей энергии, чтобы отправить меня туда, не знаю куда?

Софья била наугад и вопросы задавала – лишь бы спросить, но… Сейчас она видела, что дело тут не в кучке придурков, о нет. Одни сережки в ушах рыженькой девушки стоили сумасшедших денег, таким бриллиантам место было в Эрмитаже, а не в частных руках.

Все было серьезно, а значит – и отнестись к вопросу надо было по-деловому.

– Вполне, – индиец чуть поклонился. – Госпожа София, эта церковь стоит на старом месте силы. Тут когда-то служили древним богам, а потом христиане стали приносить жертвы… мы воспользуемся накопленным.

Софья кивнула.

– Ладно. Суть я примерно поняла. Посмотреть, в ком я окажусь, а там – не фиг думать, прыгать надо.

Люди переглянулись. Судя по всему, она угадала. Инструкций ей не давали потому, что сами не представляли всей цепочки событий. Окажешься там – и валяй, гуляй!

Чтоб вас… крышей накрыло!

– Тогда давайте, запускайте машинку, – распорядилась Софья. – Нечего тянуть.

Компания заулыбалась и расступилась. Софья сглотнула неожиданно вязкую слюну. Посреди церкви стоял старый даже на вид каменный алтарь. Черная плита выглядела бешено древней.

– Раздевайтесь и ложитесь.

Женщина посмотрела на Пелагею, на остальных… все были смертельно серьезны.

– А шубу подстелить можно?

– Зачем?

– Так камень же, холодно, – огрызнулась Софья. – Вы мне почки и недержание лечить будете?

Судя по взглядам, такие мелочи ее уже беспокоить были не должны.

Уроды…

Софья мрачно скинула шубу прямо на пол, разулась, встала на мех и принялась раздеваться без малейшего стеснения. А что? Пусть им будет стыдно!

Последними на пол полетели лифчик и трусы, и женщина направилась к алтарю. Кое-как влезла, заложила руки за голову, закинула ногу на ногу…

– Извините…

Японец мягко, но непреклонно помог женщине принять позу жертвенной овцы. Привязывать ее не стали, колоть и таблетки предлагать – тоже, это внушало надежды. Ладно.

Даже если она что и застудит, все равно это не трагично. Месяца три-четыре…

Вся гоп-компания ненадолго исчезла, а потом они появились вновь. Все в белых балахонах, из-под которых торчали босые ноги. Все со свечками в руках. Не церковными, нет. Это были свечи-аристократы, явно сделанные не конвейером, из белого воска…

Интересно, они их зажигалкой поджигать будут или трением огонек добудут?

Ирония оставалась последним барьером Софьи на пути истерики, и женщина использовала ее по полной программе. Но зажигалка не понадобилась.

Альбинос вытянул вперед руки, прищелкнул пальцами – и…

Свечи загорелись сами. Софья поежилась.

Мужчины и женщины окружили алтарь, вытянули руки вперед – и заговорили.

Медленно, мерно, монотонно, в унисон, не замолкая ни на минуту, на каком-то странном языке…

Это определенно был язык, просто Софья его не знала. Но… что-то было в этом далекое от шутовства.

Они говорили – и Софье казалось, что где-то раскручивается стальная пружина. Где-то в неведомой дали чудовище открывало глаза, присматривалось к ней, пробовало на вкус… страшно… очень страшно.

* * *

Пелагея нервничала, хотя и не могла понять, что не так.

Софья?

Да что может эта курица?! Хотя… говорила она странно. И держалась – тоже. Но может, она просто нервничает? В такой момент многие женщины – стервы.

Неладное Пелагея почувствовала, когда они начали заклинание. Все было просчитано заранее, и сила, вложенная ими, и сила, полученная от места… но когда заклинание начало раскручиваться – все пошло не так!

Пелагея не ощутила момента, когда из ведущих они стали ведомыми.

Страшная сила подхватила их, понесла, и остановиться, выйти, разорвать заклинание уже не смог бы никто. Она видела удивленное лицо Джиневры, побелевшие от страха глаза Шона, понимала, что все идет не так – но КАК?!

Тело женщины на алтаре начинало светиться. Сначала по нему просто пробегали световые волны, потом Софья засветилась целиком – и от ее тела начало отделяться нечто… прозрачное… душа.

Уже никто не мог говорить, Джиневра и Михаил упали на колени – заклинание тянуло силы из своих творцов, и оставалось только молиться, чтобы их хватило. А то ведь и жизнь высосет…

Страшно…

* * *

Софья уже не чувствовала ни боли, ни холода.

Что бы с ней ни происходило – это было восхитительно. Она ощущала себя молодой, здоровой, сильной, ее переполняла энергия, хотелось смеяться, летать, петь, но встать она почему-то не могла.

Попробовала и вдруг с ужасом поняла, что… отделяется от тела.

На алтаре лежала оболочка. Пустая, неинтересная, старая. Софья расхохоталась, глядя на людишек вокруг. Теперь она все понимала, теперь она *знала*.

Они хотели отделить душу от тела и направить в прошлое – у них это получится, хотя и не так, как планировалось.

Получилось бы с Сонечкой, но она-то не Романова! Заклинание пошло не так – и теперь оно пило силы из своих творцов, набирая их достаточно, чтобы перебросить Софью – куда?!

А, неважно. Будем надеяться, у того тела не будет опухоли в мозгу. А эти тринадцать… а их не жалко!

Любой, кто берет на себя ответственность за чужие судьбы, тем более судьбы миров,

должен быть готов за это заплатить. И заплатить дорого.

Кровью, жизнью, судьбой… Софья знала, что когда заклинание завершит свою работу, эти люди будут стерты из мира. Земля брала свою плату – и плата эта была высока. Жалость? Сострадание? Но от нее уже ничего не зависело.

Она, наконец, увидела перед собой светящуюся арку и рванулась вперед что есть силы. И оказалась – в темноте.

Вокруг была ночь. Глухая, страшноватая, беспросветная. Софья подалась чуть вперед – и вдруг в темноте начали загораться звездочки.

Побледнее и поярче, разных цветов и оттенков, покалывающие острыми лучами и ласкающие взгляд… Софья смотрела на них.

Откуда-то она знала, что ей надо выбрать одну из звезд. Коснуться…

Но выбор был так велик.

Она устала висеть в этой темноте. Попробовала пройти немного вперед – и получилось, хотя ни ног, ни тела она не ощущала. Просто звезды стали ближе.

И одна, светло-желтенькая, чем-то ей приглянулась.

Совсем маленькая, ярко брызгающая искорками в разные стороны, очень теплая и уютная, чем-то похожая на электрическую лампочку… Софья потянулась к ней.

Звездочка не отшатнулась, но дотянуться до нее Софья не могла. Словно пленка облепила, с каждым шагом все сильнее задерживая движения. Кто-то сдался бы, но если Софья что и умела, так это бороться.

Она рвалась вперед с упорством кабана, ломящегося сквозь камыши, – и так же поддавалось пространство. Последним усилием она протянула руки, вцепилась в звездочку и ощутила, как по телу разливается огонь.

Боль накрыла женщину с головой, заставив забыть обо всем.

Кажется, она еще смогла застонать…

* * *

Джиневра закричала, чувствуя, что в заклинание уходит сама ее сущность – и ей ответили такие же крики. Совет Тринадцати попал в ловушку – и выбраться из нее не представлялось возможным.

Первой, как ни странно, упала Пелагея. Вскрикнул под куполом ее ворон, не в силах помочь хозяйке.

Они падали один за другим, с почти одинаковым выражением на лицах. Недоумение, злость, ярость, жажда жизни…

Увы…

За взятые без спроса полномочия приходится платить. А ребенок, дорвавшийся до спичек, вполне может спалить дом. Только вот мама с папой отшлепают, а Земля…

Кара настигла тех, кто думал, что может распоряжаться людскими судьбами.

Последним ушел Миягино-сан.

Он так и не понял, где они ошиблись, но надеялся, что мир не будет слишком жесток к Софье. И это было зачтено. Его душа единственная не была выпита до дна, уйдя на следующий круг перерождения.

* * *

На следующий день отец Степан, придя в храм, застал там жутковатую картину. Четырнадцать трупов в разных позах – и одну из мертвых женщин он даже знал. Степан снял с алтаря тело Софьи, отнес его в ризную, прикрыл своей рясой и вызвал полицию.

За нарушение места преступления ему досталось, но не сильно. Его даже не было в числе подозреваемых – эту ночь он провел в городе, заночевав в семинарии. Расследовали долго, расследовали безрезультатно… и концов в итоге не нашли.

Софью Романовну похоронили на Залучинском кладбище. Сонечка, которую больше никто не тронул, с милицией своими подозрениями не делилась, но за могилой Софьи ездила ухаживать, как за родной. Возила ее внучка, та самая, которая стала-таки работать во ВЛАСе, а иногда приезжала и сама по себе.

Там, на могиле, она и познакомилась с Вадимом Ромашкиным, который таки нашел в себе силы расстаться с Мариной. Хотя немалую роль в этом сыграл Князь, дав жадной щучке надежду, поматросив и бросив.

Семьи Романовых и Ромашкиных все-таки породнились, и Сонечка утешала себя мыслью, что Софье это бы понравилось. Хотя слабое это утешение для тех, у кого ушли в вечность родные и близкие…

1660 год

Раньше Софья думала, что знает о боли все. Ан нет.

Эта боль была какой-то особенно жестокой. Было полное ощущение, что каждую клеточку тела протыкают раскаленной иголкой, а потом еще солью посыпают. Бо-о-о-о-ольно….

Не выдержав, Софья взвыла волчицей.

Увы… взвыла бы. Горло пересохло, и из него вырвался то ли писк, то ли хрип.

На лоб легла чья-то ласковая рука.

– Тише, тише, Сонюшка, вот, испей…

Губ коснулся краешек какой-то посуды, и Софья сделала пару глотков… чего?

На воду это было не похоже. Что-то густое, сладковатое, странного вкуса…

Боль чуть-чуть попустила. Теперь все воспринималось иначе. Ощущения были, словно все тело отлежала. Разом.

Софья вдохнула. Выдохнула. Потом еще раз и еще… стало чуть спокойнее. Женщина сидела рядом и пока молчала. Вдалеке слышались какие-то шумы – пока Софья не старалась их разобрать. Она вспоминала.

Что последнее она помнила?

Звезды.

Темнота.

Боль.

Негусто, однако. А предпоследнее?

А вот это вспоминалось четко. Компания придурков, церковь, алтарь… наверное, ее спасли. А почему так больно? И кто с ней разговаривает? И откуда были звезды?

Хотя ответ прост. Наверняка она либо чего-то нанюхалась, либо получила галлюциноген иным путем – сейчас такие методы есть, что и не заметишь, а наркоманом станешь. А болевые ощущения… ну а что тут удивительного? Вот, если бы их не было, было бы странно. Вас бы в шестьдесят… ладно, пятьдесят с хвостиком так потрепали – что бы вы ощущали? Явно не восторг.

Софья попробовала открыть глаза. Получилось.

А в следующий миг она впала в шок.

Вот что она могла ожидать? Правильно – палату реанимации, на худой конец, приличную больницу. С беленым потолком, капельницей и медсестрой.

Вместо этого…

Софья никогда не была во дворце. Даже посещения родными Эрмитажа и Кремля проходили без нее – неинтересно, некогда, неохота. Но сейчас…

Она лежала в небольшой комнатке, полутемной и тесноватой. Обитые чем-то красно-золотым стены, расписной потолок, на котором были изображены солнце и что-то еще непонятное, окна, забранные цветным стеклом, иконы в углу с лампадкой перед ними, сильный запах ладана…

Господи…

Софья перевела взгляд поближе.

Как называется это… в чем она лежит? Если кровать – то подозрительно маленькая и качается почему-то? Рядом с кроватью сидит женщина в наряде, который вызывал у Софьи

ассоциации с пушкинскими сказками – там когда-то она видела похожие одежды. И под конец взгляд Софьи опустился до нее самой.

Тело под периной определенно принадлежало девочке лет трех-четырех, не больше. Измученный мозг не выдержал слишком крутых поворотов реальности.

Софья мягко ушла обратно в глубокий обморок.

* * *

Второй раз она очнулась, когда было темно. И теперь уже орать не стала. Лежала, думала, благо, тело хоть и ощущалось не своим, онемелым, но сильно уже не болело, так что можно было стиснуть зубы и перетерпеть.

Софья смотрела в темноту и думала.

Согласно женской логике, либо она переселилась в другое тело – либо не переселилась. Что говорит в пользу первого предположения?

Боль. Это определенно. Если б у нее так в реальности болело… хотя, может, и болит – в реальности, в реанимации? А тут она просто глюки ловит?

Ой ли… Софья себя знала. Она даже исторических романов не читала, предпочитая отвлекаться детективами. А тут вдруг такие подробности из жизни неясно пока кого? Верилось с трудом. Разум человека может выдать только то, что в нем уже было. Если ты в жизни не видел, допустим, Эрмитажа, так тебя ни в каких галлюцинациях на его посещение и не проймет. Ты просто его не знаешь…

Логично?

Вроде бы логично.

Но галлюцинации отметать нельзя. И все же…

Можно обмануть зрение и слух. Можно. Но обоняние? Осязание? Вкусовые ощущения? Откуда?

Хотя что она знает о человеческом мозге? Ее собственный разум разрушается опухолью. Вполне допускается гипотеза, что разрушение какой-то группы клеток и вызвало эту картину.

Возможно, что и так. А как она будет действовать?

Глупый вопрос. Жить она будет, просто жить! И по полной программе получать от этого удовольствие!

Что тут можно еще сделать? Просто принять, как аксиому, две истины.

Если это бред, надо получить побольше радостей, пока не сдохнет.

Если реальность – а время в этом убедиться еще будет, тем более надо жить на полную катушку. Если те идиоты подарили ей вторую жизнь, то глупо выбрасывать подарок в унитаз. Что в этой жизни делать, она еще определится. Возможно, в новой жизни она опять станет строителем. Или выйдет замуж? Или найдет себе еще какое-нибудь занятие. Или… да вариантов масса. Судя по внешности, этому телу года три… ну или чуть больше? Может, и так. Вся жизнь впереди, только радуйся.

Хм-м…

А вот радоваться рановато.

Штирлицу определенно было легче, а вот ты, Сонька, пока об этом теле ничего не знаешь. Хотя нет…

«Сонюшка, вот, испей…»

Тело зовут Софья. Это хорошо, на имени уже не спалимся. А вот что осталось в мозгу после подселения? Если так прикинуть – душа исчезнуть может, а вот память? Человеческий мозг – это ведь как кассета. Могли эту кассету полностью потереть перед ее заселением?

А кто ж его знает…

Проверить это можно было только опытным путем. Софья лежала и пыталась вспомнить хоть что-то. Получалось откровенно плохо. Нет, свою-то жизнь она помнила как никогда ярко. Вспоминалось все. Вплоть до школьных уроков ненавистной литературы. Даже стихи, которые она тогда учила, вспоминались объемно и ярко. А вот из воспоминаний девочки Сонюшки…

Выплывали лица, имена, шепотки…

Когда виски начало не по-детски ломить, Софья плюнула (мысленно) и бросила это гиблое занятие. К чертям свинячьим! Что вы хотите от ребенка до пяти лет? Имя бы свое вспомнил и то слава богу!

Есть, конечно, исключения, вундеркинды и прочие радости жизни, но приютившая ее душу девочка, похоже, к таковым не относилась.

Софья лежала и составляла план действий.

Первым делом надо узнать, где она, какое у нее положение. Потом все возможное о своих родных. Ну а дальше…

Сложно планировать, когда ничего не знаешь.

Сначала выздоровеем, а там по обстоятельствам. С этим лозунгом Софья и заснула. И ей снились красивые цветные сны.

* * *

Нас утро встречает прохладой, нам свежестью веет река…

Песню Софья помнила. Но в реальности все обстояло иначе. Утро ее встретило болью во всем теле, к тому же ей просто захотелось в туалет, и она заворочалась, пискнула…

– Сонюшка…

Над Софьей склонилась та же женщина, что и в прошлый раз. Но если тогда было не до удовлетворения любопытства, то сейчас Софья могла здраво рассуждать. Девочка рассматривала ее внимательным серьезным взглядом. Так… одета достаточно богато, хотя пока и неясно, что именно на ней, этакая капуста – сто одежек. Голова покрыта, волос не видно. Лицо умное, живое, темные глаза смотрят ласково… кто бы эта женщина ни была – она явно хорошо относится к девочке. Возраст… от тридцати до сорока пяти. Есть морщины, нету части зубов… хотя хорошие стоматологи и в двадцать первом веке – редкость. А уж раньше-то…

Зато лицо набелено чем-то типа известки (мел? белила?) и нарумянено в нужных местах. Брови явно подчернены.

А еще…

Это было не воспоминание Софьи, нет. Скорее ощущение. Эту женщину хотелось обнять, прижаться, потереться щекой, она ассоциировалась с любовью, заботой, теплом.

Мать?

Вариантов масса: тетка, нянька, бабушка… а ошибиться и нельзя. Так что никаких

обращений… милый Штирлиц, как я тебя понимаю…

– Больно…

То есть сказать хотелось именно это слово, а получилось «бо-но…». Невнятно, но главное – дошло.

Софья впервые попробовала свой голос и едва не чертыхнулась. Половина букв не выговаривается, во рту словно каша… логопеда мне! И упражнения!

– Опамятовалась, красавица моя? – Женщина расплылась в улыбке. – Слава боженьке нашему, а мы-то уж молились, молились за тебя, матушка твоя вечор заходила…

Ага. Значит, точно не мать. Уже легче. А кто?

Она говорила, а руки тем временем подхватывали девочку, усаживали ее на горшок – изукрашенный так, что даже обидно было в него дела делать, – гладили по волосам…

Из мягкого, «окающего» потока речи Софья вылавливала крупицы ценных сведений.

Несколько дней назад девочка свалилась с горячкой. Кормилицу позвали за ней ухаживать. Доктора уверяли, что девочка выживет, но позавчера ей стало неожиданно худо. Лежала, как мертвая, и даже не пищала… матушка пришла, хотела попрощаться с девочкой, но поскольку она была в тягости, ее к ребенку не пустили. Не дай бог, на нерожденного перекинется. Тут Софья опустила ресницы, соглашаясь со своими мыслями. Действительно, краснуха была бы не в тему. Дети-то ей болеют, а вот беременным женщинам лучше не…

Был батюшка, хотел соборовать и причастить ребенка. Но девочка все дышала и дышала, так что начинать он не решился, а ночью Софья пришла в себя и даже кисельку попила…

Одним словом, умирание откладывалось.

А сегодня с утра девочка пришла в себя, и по этому поводу все очень рады.

В радость Софья откровенно не поверила, за отсутствием радующихся. Что-то никто тут с воплями «УРА!!! Она выжила!!!» не бегал и чепчики в воздух не бросал. А и не надо, мы не гордые, но и бедными не будем. Дайте время и знания…

Софья закончила свои дела и попросила покушать. Хоть бы и кисельку…

Женщина, растрогавшись, унеслась за дверь, а девочка… да-да, именно девочка, кое-как откинула одеяло и оглядела себя.

Ребенок и ребенок, что тут скажешь?

Косица системы «крысиный хвост» из невыразительно темных волос, ручки-веточки, ножки-палочки. Все. Шрамов вроде как нет, но под одеялом она лежит в рубашке. Кстати – ткань явно дорогая. И с вышивкой, даже чуть с золотыми нитями. Явно она тут не последняя личность. Или…

Мысли упорно не складывались.

Она из небедной семьи, но незаметно, чтобы вокруг нее народ суетился. Нет, пока еще рано делать выводы, вот соберет информации побольше…

В комнату вошла девушка – и внимание Софьи сосредоточилось уже на ней. Одета… кажется, это рубаха и сверху сарафан. Только красивый, вышитый, коса толстенная, в руку… А в руках поднос с посудой. И если Софье не отказали глаза – никакой нержавейки и никеля. Дерево, серебро… все красивое, с любовью сделанное.

Девушка подошла и принялась умело кормить ребенка с ложечки. Кстати – ложка была очень красивая, костяная, но слишком крупная… чайных ложечек тут нету, что ли?

К концу кормления вернулась и первая женщина, с богато расшитым полотенцем, которым вытерла девочке рот и лицо.

После стакана киселя детское тело потянуло в сон – и Софья свернулась клубочком,

отпихнув в сторону мешавшую подушку и неразборчиво пробормотав няньке:

– Скаську…

Нянька поняла и принялась нудить что-то из жития святых, про какую-то тетку, которую то ли зарезали, то ли сожгли… Софье было все равно. Главным было другое.

Разговор, слова, обороты…

Она старалась впитать сколько успеет, прежде чем провалилась в сон. И последней мыслью было: *«Надо учиться говорить по-местному, иначе спалюсь, как туалетная бумага в камине»*.

* * *

Следующие три дня Софья активно выполняла свою программу. Училась, училась и еще раз училась.

Тело девочки выздоравливало достаточно медленно – и многого она сделать не могла. Легко ли быть взрослой в теле трехлетки?

Отнюдь.

Хочешь ты многое, а вот можешь… да ничего ты почти не можешь! Ничего! Даже мелкая моторика пальцев пока еще недостаточно развита, чтобы одеться. Пришлось Софье хитрить. Отсылать няньку за едой и тренировать пальцы, потом выбираться из постели, делать хоть какие-то упражнения… такое ощущение, что ребенка вообще физически не развивали. Растет – и ладно!

Жуть!

Тело так быстро уставало, что день Софьи сократился до трех-четырех часов, остальное время она попросту спала. А пока не спала, обследовала свою комнату. Познакомилась поближе с доброй теткой.

Это оказалась ее кормилица, Марфа. Софья называла ее то Мафа, то Мася, но тетку это не расстраивало. Лишь бы ребенок был жив-здоров. А уж это Софья готова была ей гарантировать.

Еще выяснилось, что сейчас сентябрь месяц и у нее недавно были именины. Семнадцатого числа. А спустя пять дней она и слегла.

А еще – что матушка, тетушки и сестрички молятся за ее здоровье.

Кстати – самой Софье тоже пришлось молиться. Причем каждый день и по нескольку раз. Женщина тут же отметила в уме, что место это религиозное, но молитвы твердила как попугай Кеша. Незнание законов не освобождает от ответственности, а вот знание – как раз наоборот. Будешь обладать знанием – выкрутишься при любых властях и любой погоде. Кодексы, конечно, ребенку никто не даст, но вот молитвенник…

Псалтырь.

Эта книга появилась в покоях Софьи через день после выздоровления, и девочка сразу же потянула к ней руки.

– Осю…

То есть – хочу.

Разумеется, книга была предоставлена. Кстати, судя по изукрашенному переплету – одного жемчуга было не меньше чем на три тысячи долларов, а еще тонко выделанная кожа, золотые уголки, голубые камушки…

Явно дорогая игрушка. И то, что ее так легко дают ребенку, который может и порвать, и что угодно сделать…

Но – не стоило с самого начала так поступать с ценной вещью.

Софья открыла книгу и уставилась в нее, как баран на новые ворота. И игры в этом почти не было.

Кто не верит – открываем книгу на старославянском и читаем от всей души. Бегло так, весело, живенько… одно написание букв доставило Софье несколько часов жестокой головной боли. Но постепенно глаз приноровился выхватывать из нелепицы отдельные буквы, составлять из них слова, а там и складывать их в нечто осмысленное.

Перевод пока удавался не очень, но смиряться девочка не собиралась. На самом деле между фразами: «*К сублизингу применимо общее правило о субаренде, согласно которому арендатор вправе возобновлять договор субаренды в пределах срока аренды без дополнительного разрешения арендодателя, если последний дал согласие на субаренду, но не оговорил ее предельного срока*» и «*сесвята́я Тро́ице, Бо́же и Соде́телю всего́ ми́ра, поспеши и напра́ви се́рдце мое́, нача́ти с ра́зумом и конча́ти де́лы благи́ми богодухнове́нныя сия́ кни́ги, я́же Святы́й Дух усты́ Дави́довы отры́гну, и́хже ны́не хощу́ глаго́лати аз, недосто́йный, разуме́я же свое́ неве́жество, припа́дая молю́ся Ти, и е́же от Тебе́ по́мощи прося́*»[3] имеют много общего. Сначала это может казаться бредом, но потом смысл таки находится. И часто затраченное время впоследствии окупается трижды.

А еще Софья старалась успокоиться. И это было совсем не лишним.

Легко сказать – я взрослый человек в теле трехлетнего ребенка. Да-да, трехлетнего, теперь Софья это знала, нянька пару раз упомянула ее третьи именины. А вот жить?

Говорить внятно ты не можешь. И половину звуков просто не выговариваешь.

Моторика пока еще как следует не развита. Да и вообще, судя по усталости, девочка активного образа жизни не вела. Не мышцы, а сопли. Кисель. И это нужно было срочно исправлять. За второй шанс спасибочки, но ведь такое тело болеть будет не переставая. А этим Софья была уже сыта по горло.

Кроме того, иногда накатывали дикие головные боли, от которых девочка просто лежала в своей кровати и плакала. Ощущение было такое, словно голову гвоздями пробивали со всех сторон. И не пожалуешься толком.

Почему так?

Мысль у Софьи была. Разум взрослого, подсаженный в тело трехлетней малышки, пытался развивать привычную активность, а ребенок-то пока к этому не привык! Можно поставить мотор от «Ягуара» на «Запорожец», но привыкать к такому «миксу» придется долго.

Ничего, она справится. Всегда справлялась.

А еще есть привычки, вкусы, характер.

Когда последние тридцать лет ты командуешь людьми, тебя слушаются беспрекословно, твои приказы выполняются, стоит только пискнуть – ты к этому очень быстро привыкаешь. А сейчас твое мнение никого не интересует. Ты – просто живая кукла.

Тебя любят, заботятся, тетешкают, тискают, выполняют твои желания в меру разумения – но и только. А вот серьезно слушаться… Софья быстро поняла, что единственный доступный ей метод воздействия сейчас – слезы. Не истерика, нет. Истеричных детей в любые времена сначала шлепают, а потом слушают. А вот именно что тихие горькие слезы…

Кстати – это тоже был плюс и немалый, – у этого тела получалось красиво плакать.

Раньше Софья в жизни не рыдала еще и потому, что чревато было долгими последствиями. Опухало лицо, надолго краснели глаза, в носу зверски хлюпало еще сутки… В этом теле так не было. И можно плакать вволю, когда ничего не распухает, только слезинки бегут по щекам. И Софья уже этим пару раз воспользовалась – когда требовала Псалтырь и когда нянька застала ее прыгающей на месте и попыталась уложить. Тогда Софья отвоевала себе свернутый в жгут платок – на скакалку – и продолжила занятия. И еще через пару часов, снова и снова.

Пока еще плана у нее не было. А что можно планировать из таких мелочей, которые прорываются?

Хотя пару раз…

Царь-батюшка твой на охоту поехал, царица-матушка глаза проглядела, ожидаючи, в тягости она, сынка родить мечтает…

Интересно, у этой девочки правда отец – царь?

Выкристаллизовывалось много интересного.

Первое – она в России. Или на Руси, один черт.

Второе – она достаточно высоко на иерархической лестнице. Если и правда – царевна. Хоть гусей пасти не придется.

Третье – информации катастрофически мало, а выкачать ее сложно, в основном из-за сопливого возраста реципиента. Сомневаетесь? Попробуйте придумать ситуацию, в которой вы серьезно и вдумчиво объясняете трехлетнему ребенку политику партии и правительства, о курсе доллара поговорите, да серьезно так, вдумчиво… Не получается? А вдруг поймет?

То-то и оно. Будь ты хоть семи пядей во лбу, но пока говорить не научишься, всерьез тебя не примут, да и потом помолчать придется. Судя по языку, по одежде, по письменности – Софья сейчас была где-то глубоко в русской истории. Уж точно до европейского платья, то есть – до Петра.

А как тут будут объяснять неожиданную гениальность ребенка?

Вариантов два. Или дьявол – или Бог. И лучше второе. Вот если откровение снизошло или Богородица чихнула…

А если нет?

Инквизиция, которая вроде как сжигала всех или топила?[4] Или просто в монастырь запрут? Ни тот, ни другой вариант Софью не устраивал.

Значит, нужно бойко и смело тараторить молитвы. В любой момент и при любой погоде. Учим, девочка, учим, а заодно пытаемся не рехнуться с тоски в условиях жесточайшего информационного голода, пока сидим в карантине.

* * *

Интересное случилось на четвертый день. В комнату вошла женщина лет тридцати пяти – сорока, богато одетая – поверх того же сарафана, который был явно сшит из более дорогой ткани, чем у Марфы, на ней было нечто вроде длинного красного…

Софья даже не знала, как обозвать эту одежду. Потом она уже узнала, что это опашень и душегрея, потом. А пока она просто впитывала весь облик женщины. Явно напоказ богатые здоровущие пуговицы, закрытые волосы, белый платок, круглая шапка на голове, расшитая чем-то вроде жемчуга и отороченная мехом, длинная одежда…

А еще лицо, набеленное и нарумяненное так, что Марфа показалась недокрашенной. Косметикой тут явно не пренебрегали. Темные глаза женщины смотрели пристально, накрашенные губы ласково улыбались, но Софья чувствовала под этим что-то… гниловатое. Как будто под зеленым лужком скрывалась глубокая трясина, и не самая лучшая при этом. Ну и возраст. Женщина была явно старше Марфы и смотрела на ту сверху вниз. Поздоровалась, даже чуть поклонилась – Софье, не Марфе. Девочка не преминула отметить этот нюанс, но сама кланяться не стала. Она – ребенок, это первое, она не знает, надо или нет, – это второе. Если она царевна, то вроде как кланяться не должна, нет? Да и тетка бы поправила, так что Софья булькнула нечто вроде «Дасть!», в переводе на русский – здрасьте и опять уткнулась в Псалтырь.

Марфа тоже поклонилась, только низко. Тетка оглядела няньку с ног до головы, выдержала паузу и заговорила. Софья тут же насторожила ушки и принялась впитывать, с грустью отмечая, что говорить ей пока еще рано. Филолог бы отметил многое. Обороты, построение предложений, фразеологизмы, неологизмы и прочие «измы». Софья же выделила для себя главное. Плавность и темп.

В бытность свою бизнес-леди, Софья говорила абсолютно по-другому. Какие там красивости? Какие там перекаты? Какие там «вокруг» да «около»?

Двадцать первый век бешено ускорил темп жизни, и темп речи подстроился под него.

«*Эй ты, шевелись, подними зад, какого ты икса тут делаешь… ЖИВО!!!*»

Если сейчас Софья заговорила бы, как привыкла…

Были, были в состоянии трехлетки и свои плюсы. С ребенка даже лет пяти-шести можно бы уже спрашивать, требовать, а вот с нее взятки гладки. «*Не зня-я-я-я, я иссе ма-а-а-а-енькая…*» Какие претензии?

Но прислушиваться Софья не забывала.

Вежливость – первое оружие вора?

А информация – первое оружие любого бизнесмена.

* * *

Анна Никифоровна Лобанова-Ростовская была довольна. Царевна Софья выздоравливала, медленно, но уверенно. И это было хорошо.

Да, царевна – не царевич, но к чему царице лишние переживания сейчас, когда она в тягости? И так царь-батюшка на нее чуть сердит…

Наследника долго родить не могла, был царевич Дмитрий, да помер, годика малышу еще не сравнялось. А потом начала рожать, да все дочерей. Пока царевича Алексея родила – двух девок принесла, да потом еще двух. Сейчас опять в тягости, и бабки сказывают, что мальчик должен быть, да только Анне это сомнительно.

Мальчики, они от крепкой мужской любви рождаются, а откуда тут взяться любви-то этой?

Чай, всем известно, любил Алексей Михайлович девицу, да только не ту, на которой женился. Приглянулась ему Ефимия Всеволжская, дочь помещика Федора. И хороша собой девица была чрезвычайно. Глаза – что васильки, коса – сноп золотой, да вот не приглянулась она царскому воспитателю, всесильному тогда боярину Борису Морозову. Приказал он так затянуть бедной девушке косу, что та упала прямо перед женихом, обвинил в падучей

болезни и сослал бедняжку от двора. Уж года три, как умерла она.

Царь был безутешен несколько дней, но потом хитрый воспитатель нашел, как его развеять. А там и взошла в верхние хоромы дочь боярина Милославского – Мария Ильинична. Всем хороша – и бела, и румяна, и умна, да вот только не любил ее молодой царь.

Вот и не рождались у них дети. А еще шептались в тереме, что знает царица про свой грех перед Ефимией, замаливает его усердно, да только не простила ее оболганная красавица. За боль ее, за муки, будет рожать царица одних девок, недаром в год смерти Ефимии родилась у царицы дочь – царевна Софья.

Слухи ходили, что молилась тогда царица, и если бы родился мальчик, знала бы – простили ее. Ан нет. Родилась царевна Софья и за то царица любила ее меньше прочих детей.

За свои разбитые надежды.

А ведь известно же, что на чужой беде своей радости не построишь…

Вот и когда девочка упала в горячке, ухаживала за ней только кормилица да постельница Груня. Но, кажется, девочка выправляется, а это хорошо.

Царь-батюшка, хоть и милостив, но деточек своих любит, и ежели покажется ему, что недоглядели за доченькой, лучше бы тут на свет и не родиться. Хорошо, если со двора сгонят, а могут ведь и в монастырь сослать, и вся семья в немилость впадет…

Подробно расспросив кормилицу, что да как с девочкой, княгиня решила, что лучше бы продержать малышку еще дней пять в комнате. Мало ли что.

Попробовала погладить Софьюшку по головке, но малышка увернулась и топнула ножкой.

– Неть!

Княгиня так и ахнула. Протянула руку взять девочку за ручку, но удостоилась еще одного злого:

– Неть!

Кормилица, тоже слегка ошалевшая, опомнилась и быстренько заслонила девочку, объясняя, что Софьюшка, чай, устала, и вообще, спать ей пора, так что…

Княгиня хмыкнула, подозревая кормилицу в самом худшем – а именно, в настраивании против нее царского чадушка, но задерживаться не стала и вышла вон. А кормилице на миг показалось, что Софьюшка смотрит княгине вслед острым нехорошим взглядом… Да нет, глупости все это.

Какой там взгляд у трехлетнего ребенка?

Свет так блеснул, вот и почудилось…

И Марфа захлопотала вокруг своей девочки. Софьюшка принимала все заботы с улыбкой, даже пыталась благодарить… Да, видно, почудилось. Просто дети ведь чуют, кто любит их, кто не любит… вот и не пошла малышка к княгине.

Бывает такое…

* * *

Софья понимала, что зря так поступает, но и поделать с собой ничего не могла.

Детская реакция была однозначной – тетя хорошая. А вот реакция самой Софьи… нет,

тут все было не так просто. Было в княгине второе и третье дно, было… и иметь с ней дело не хотелось. Во всяком случае, подпускать близко к себе.

Не всегда хорош тот, кто угощает вас плюшками. Княгиня явно завоевывала детские симпатии, а вот с какой целью она это делала? Чтобы остаться при дворе? Что-то получить для себя? Протолкнуть какую-то идею? Неизвестно… И пока известно не станет – лучше с теткой не связываться. Если бы Софья знала про данайцев, дары приносящих, она бы употребила эту фразу. Но с классикой она также не дружила.

А вот Марфа… женщина явно была привязана к Сонечке. И ухаживала за ней со всей душой. Если бы получилось ее оставить при себе личной прислугой? И ту девочку, которая помогала ей ухаживать?

Надо бы подумать.

Софья отлично знала, что любое дело начинается с двух вещей.

Идеи и команды. И если первой у нее еще не было, то вторую она уже начинала подбирать. Свои люди пригодятся везде, чем бы она ни занялась.

А она займется, в этом сомнений у Софьи не было, но пока пришлось провести взаперти еще пять дней.

Молиться и листать Псалтырь, привыкая к незнакомым буквам и удивляя Марфу своим бережным отношением к священной книге. Заниматься физкультурой и слушать сказки, раскручивая Марфу на рассказы о батюшке и матушке.

И собирать информацию.

А еще – сожалеть, что ничего не знает по истории родной страны. Так, что-то намоталось по дороге, но мало, мало, мало!!!

И радоваться, что она «жаворонок». Будь она «совой» – давно бы загнулась от такого режима. Кто не верит – пусть попробует вставать с первыми петухами и ложиться с закатом. Керосина тут еще не изобрели, а портить зрение при свечах Софья не собиралась. До ближайших окулистов было невесть сколько лет, так что придется себя беречь.

А именно – глаза, зубы, волосы, кожу…

В этот раз Софья намеревалась жить и радоваться жизни. И лучше начинать следить за собой с детства.

* * *

Ровно неделя.

Ровно одна клятая неделя понадобилась Софье, чтобы серьезно задуматься – как жить?

Ее таки выпустили из карантина, и она поняла, что задыхается. Софья просто умирала в душной атмосфере терема. Душной, кстати, в обоих смыслах. И окна, в которые с большим искусством были вставлены мелкие разноцветные стеклышки, почти не открывались – не дай бог кого-то простудить. И сама атмосфера, пронизанная строгим распорядком и миллионами правил, давила на свободолюбивую женщину. И это еще было мягко сказано.

Из терема женщинам хода не было. Исключений было два. На кладбище и в церковь. Кстати, домашнюю – не дай бог на улицу выйти! Страшное случится! Метеорит упадет, ворона нападет!.. Так что либо церковь Спаса Нерукотворного, либо церковь Воскресения Словущего, либо Великомученицы Екатерины. На выбор…

Привыкшая к тому, что за день можно намотать не один десяток километров по городу, а

то и съездить в несколько городов или стран, Софья просто задыхалась в ограниченном пространстве. И ведь остальным ничего не было нужно! Они так жили, еще и радовались…

Тосклива была жизнь теремных затворниц. Каждое утро начиналось с молитвы и каждый вечер заканчивался ею же. Всем кагалом – иного слова Софья уже подобрать не могла – бабы направлялись в крестовую или в молельную, причем царицу ставили за специальной занавесью – и молилась она там отдельно от всех. Туда же запихивали и царских детей с няньками.

Две молитвы в день были еще развлекушками. Вот в праздничные и выходные дни молились три раза в день и уже не в домашней крестовой, а шли для этого в храм. Опять-таки, царицу, да и детей для этого важного дела отгораживали от народа так, что даже ветер не долетал. Софье казалось, что если бы окружающие могли – они бы запихнули всю царскую семью в коробку и вытряхивали только по торжественным случаям.

Шли в раз и навсегда установленном порядке – впереди топала важная боярыня, за ней крайчая, потом четыре девицы-боярышни с восковыми свечами, для освещения пути, за ними – сама царица с посохом в руке, в сопровождении двух боярышень, и одна из девчонок несла над царицей здоровущий солнечник, он же – зонт обыкновенный. Завершала весь этот бутерброд еще одна дворовая боярыня.

Это еще не считая всякой мелочи, которую несли следом, типа подножия (царица ж не может на пол встать, только на что-то еще), опахала и еще какой-то гадости – Софья не вникала, что именно еще таскали в церковь без малейшей пользы для дела.

А что касается царских детей – им даже не позволяли ходить самостоятельно. Софью все время порывалась носить кормилица, а потом и княгиня Анна, но Софья была неумолима.

Слово «Нет» удавалось ей с каждым разом все лучше и лучше. И она решительно не желала, чтобы к ней прикасалась Анна Никифоровна. Пусть, вон, других чадушек таскает… мымра!

Сама же девочка…

Ноги развивать надо! Почему дети и мерли как мухи – тепличные условия еще никому пользы не приносили. А детей было…

Первой и лучшей Софья считала себя. А почему бы и нет? Еще одна переселенка тут вряд ли найдется. Да, нескромно. Но скромной Софья никогда и не была.

Была царевна Евдокия – вялая девочка десяти лет, крупная и полная, но медлительная и не слишком подвижная. Была царевна Марфа – копия матери, темноволосая и яркая, чуть более живая и проявляющая интерес к Софье.

Был старший брат Алексей – слегка заторможенный шестилетний мальчишка с воспитателем Федором Михайловичем Ртищевым. И старшая сестра Анна. Пятилетка, в которой Софья пока не видела ни талантов, ни задатков.

Справедливости ради, не видела она их и в царевне Екатерине, которая родилась годом позже нее и пока еще даже ходить толком не могла. Откуда-то из прежней жизни Софья помнила, что девочки развиваются быстрее мальчиков, так что ей это резко не нравилось. А про царевну Марию, родившуюся в январе 1660 года, рано было и думать. Так, кулек с ушками… лежит и мяукает. Что в ней интересного?

Софья положила себе поближе познакомиться со всеми детьми, но пока это плохо удавалось.

После молитвы приходили от царя справляться о самочувствии царицы. Как правило,

государыня-матушка (Софье приходилось делать над собой явственное усилие, но выбора не предоставляли, мать – значит, мать) отвечала, что здорова и молится о наследнике. Сам царь, конечно, не являлся.

Не положено.

Отмолившись с утра, трапезничали. Вот что касается стола – тут Софья не могла пожаловаться. Кормили много, вкусно, хотя и не похоже на бессмертного «Ивана Васильевича», но действительно, ни черная, ни красная икра за деликатес не считались. Так что девочка с удовольствием наворачивала их полной ложкой. Но за своим питанием строго следила. Чистить зубы тут было не принято, но Софья полоскала рот и старалась хоть как-то следить за гигиеной.

Позавтракав, царица и ее свита отправлялись в светлицу. Шить, вышивать, расшивать, а чем еще бабе заниматься?

Немногому жену мне надо научить. Меня любить, молиться, прясть и шить. Не читать же? Не писать, не считать… Женщине вредно много читать – потом она начинает думать.

А женщине вредно много думать, потому что потом мужчина не кажется ей властелином мира. Тьфу!

Патрррриархат!

Хочу к амазонкам! Лучше без трусов на лошадь, чем в тереме в шести одежках!

Увы, выбора не предоставлялось. Бабье царство правило бал. Казначеем была женщина, слугами были женщины, мужчин допускали считаные единицы и в таких годах, что женщины их уже не интересовали в принципе. Как дядя Федя – учитель Алексея. Как священники с холодными рыбьими глазами, заискивающие перед царицей и называющие ее государыней-матушкой.

Потом шла обедня. После обеда царица отдыхала какое-то время, а потом либо шла в светлицу, либо разбирала челобитные, занималась делами, принимала гостей, разговаривала с другими женщинами… и так изо дня в день, изо дня в день… рехнуться можно!

Софья тосковала о свободе!

А про любимый и нежно обожаемый «Мерседес» «макс» и вспоминать не хотелось. Слезы на глаза наворачивались. Но кто сказал, что нельзя извернуться и здесь? Машину ей, конечно, не построить. Но не сидеть же постоянно в тереме?

* * *

Даже если вас съели – у вас есть два выхода. А можно ведь еще и устроить слопавшему язву с прободением…

Вариантов оказалось два.

Первый и самый легкий – ты, Сонечка, живешь кактусом в тереме и радуешься жизни. Жива – это плюс. В минусе то, что царских дочерей замуж, оказывается, не выдают. В монастырь можно, а вот замуж – никак-с… Ибо все, кто не цари, – те холопы, а за холопа царевну выдавать низзя. Небеса на землю рухнут. А тот скромный факт, что царям Романовым два поколения, никак на дело не влияет, да. Хотя возможно, что цари не роднятся в своей стране еще и поэтому. Бунт в России – незабываем, на Руси и никак иначе! – почти национальная традиция, а если у кого-то из бояр появится возможность претендовать на трон для сы́ночки – деточки царской сестры или тетки… Как говорила Софьина знакомая из

Одессы: «*И таки шо, вы верите, шо они не потянут руки к короне? Ну-ну…*»

А на сватовство из Европ рассчитывать не приходится. Вот, к папашиной сестре сватался царевич… Вольдемар, кажется. Споткнулись на религии. Не хотел мужик идти в православие. А девчонку не собирались отдавать католику. В итоге – сопли и слезы плюс расстроенная свадьба и союз. Тетка Ирина до сих пор на всех волком смотрит. И где гарантия, что это не повторится? Или что посватаются к Софье?

Неубедительно.

Значит, сидим на попе ровно и получаем неудовлетворенность жизнью во всех смыслах. Умственно, духовно и физически. Но – жива.

Второй, и наиболее тяжелый, – ты, Сонечка, берешь собственную судьбу в свои руки и начинаешь постепенно ломать устоявшееся мировоззрение. В плюсе тут только перспективы. То есть если бы, да кабы, да еще бы и грибы. Пока у тебя ничего нет, только желание действовать. Что тебя ждет на этом пути – тоже неясно. Знаний истории ноль, возможностей ноль, даже разговаривать пока получается откровенно плохо, так что… обидно, да?

Знала бы – попросила бы соседку по палате хоть что-то рассказать. Но кто же мог подумать, что это не бред сивой кобылы?

Одним словом, на втором пути в активе только желание. Даже шишки, которые можно огрести, пока еще не просматриваются – за недостатком информации. Все остальное в пассиве. И что же выбрать?

Естественно, Софья выбрала второй путь, здраво рассудив, что сесть ровно на попу она всегда успеет. До пяти лет она, по-любому, ребенок, так что может многое – и с нее не спросишь. И надо в этот период успеть… ох, надо.

Третий вариант Софья даже не рассматривала.

Нет, чисто умозрительно, она могла бы извернуться, сгрести в карман побольше золотишка и удрать. Думаете, не потянула бы? Это вы плохо о ней думаете. Софья и не такое смогла бы. Но!

Здесь она царевна. В любом другом месте – просто девчонка. И с ней могут сделать что угодно в рамках сегодняшнего мировоззрения. Это в кино про мушкетеров Мари де Шеврез могла разъезжать по полям и лесам с одной служанкой, а вот в России… Софья сильно подозревала, что до первой же шайки на дорогах ее квест и продлится. Ведьмой она не стала, молниями швыряться не может, автомат Калашникова с ней не переместился, так что – упс.

Нет, бежать глупо. В другом месте лучше не будет. А вот улучшить это место – запросто. Ну, не совсем уж, но поработать с этим вопросом можно и нужно.

Итак, с чего начинается любая кампания? Наполеон говорил, что для победы ему нужны три вещи. Деньги, деньги и еще раз деньги. За что и поплатился. Софье для победы нужна была информация, информация и еще раз информация. А деньги будут. Добудем… но надо *знать*.

Как можно получить информацию в царском тереме?

Наблюдением и ушками на макушке. И вопросами верной кормилице, которая не отходила от девочки.

За кормилицу Софье пришлось выдержать первое сражение намного раньше, чем она намечала.

Как только малышка выздоровела, и Марфу, и Груню попытались удалить от девочки. Сначала – днем. Официально и под предлогом «дорогие гости, не надоели ли вам хозяева…».

Куда там… вцепилась – и в слезы. «*Неть, не осю… не усю…*»

То есть «Нет, не хочу, не пущу»… и даже смертельное оружие «*Бяка!! Кака!!!*» и пальцем в сторону княгини Анны потыкать…

Естественно, номер не прошел. Марфу попытались убрать. И Софья устроила маленький локальный Армагеддон, отлично понимая, что возвращенная Марфа и приближенная Груня будут ей благодарны. А вот те, кого к ней приставят сейчас, будут благодарны только Анне Никифоровне.

Когда в ее покои вошли несколько совершенно посторонних девиц, Софья попыталась потребовать Марфу и Груню. Девушки не обратили внимания, продолжая сюсюкать и умывать малышку. И Софья поняла, что надо действовать. Ее слуг явно удалили, а откуда эти? Лобанова-Ростовская подсуетилась? И где они были, когда девочка болела?

Нет, ей такие не нужны, ей нужны верные…

Сначала-то Софья пыталась понять, кто и где, а вот потом, когда одна из девушек обмолвилась, что может, не стоило так-то, убирать кормилицу от ребенка, не слишком ли Анна Никифоровна…

Вот тут Софья взбеленилась по-настоящему.

Значит, так? Не хотел ребенок по-хорошему, будет по ее? Не много ли княгиня на себя взяла? Ур-р-р-рою!

Какое оружие доступно ребенку? Да самое простое. Софья отказалась одеваться, умываться, идти в церковь, сидела и плакала.

Увещевания княгини Анны привели только к словам «*Бяка! Злая!!!*» в ее сторону. И метко запущенному сафьяновому мячику. Сколько там сил у трехлетнего ребенка? Даже синяка не будет. Но в лицо он таки попал, только бубенчики внутри звякнули. А что, аналог пощечины. В итоге ребенка одели насильно и потащили в церковь.

Торжественный выход Софья не испортила, не дали. Хотела было поговорить с матерью, но не подпустили – княгиня явно рассчитывала, что ребенок переключится, забудет обо всем, а там и смирится. Ага, хвост тебе об стенку! Первое сражение Софья проигрывать не собиралась и ехала до церкви на руках у дебелой боярыни, в плане страшной мести общипывая ей воротник и кидая жемчужинки и золотое шитье на пол. Заречешься, зараза, меня руками хватать!

А вот в церкви Софья устроила рев. Сначала шумный, чтобы мать внимание обратила еще до начала богослужения. А когда к девочке обернулись четыре женщины, явно главные тут, принялась реветь тише и требовать Марфу и Груню.

Естественно, замолчать инцидент уже не получилось. Соня все рассчитала правильно. В любом тереме – не без подводных течений, и не может Анна Никифоровна всем нравиться. Кто-то да не упустит возможность подпустить ей шпильку.

Это оказалась симпатичная светловолосая женщина, лет тридцати на вид, которая, явно поняв, чего требует ребенок, приказала Лобановой-Ростовской вернуть девочке кормилицу, а пока привести постельницу, чтобы ребенок не ревел в церкви. Пусть успокаивает.

Анна Никифоровна скривилась, как от лимона, но кого-то послала за Груней, явно рассчитывая, что истерика продолжится и можно будет прислужницу потом убрать.

Куда там!

Стоило Софье увидеть Груню, как девочка тут же усилием воли прекратила слезоразлив, влезла на руки, прижалась, расцвела улыбкой и позволила себя покормить.

Девчонке – той еще и пятнадцати не было – тут же повелели остаться при царевне.

За столом Софья вела себя замечательно, но только когда Груня была рядом. А стоило появиться Марфе, как вообще засияла ясным солнышком и вцепилась в обеих женщин так, что оторвать бы сразу и не получилось.

Остальное прекрасно сделала Марфа. Тетка была умна, просто раньше у нее зацепиться возможности не было. Отработала кормилицей три года – и свободна за ненадобностью. С шубой, с деньгами, с почестями, но уже не при царевне. А тут она принялась работать переводчиком при Софье, объясняя, что девочка-де хочет ее в нянюшки, а Груню в служанки, потому как ухаживали во время болезни, заботились, да и вообще, дети чувствуют, кто их больше любит…

Оставили. А Марфа уже повыгоняла из покоев Софьи всех лишних девиц, оставив только ту, проговорившуюся. И то с позволения Софьи.

Да, ребенок. Но царевна. И это уже не так мало.

А вот теперь, когда есть база, когда можно не ждать предательства в собственной спальне и спокойно тренироваться, читать Псалтырь, все больше осваивая алфавит и развивать доставшееся тело, вот теперь и информацию об окружающем мире можно собирать. И девочка принялась за работу.

Спустя еще две недели Софья выделила для себя ключевых обитательниц терема.

Царица Мария Ильинична, в девичестве Милославская.

Мать. Высокая темноволосая и темноглазая женщина, красивая, статная, спокойная, в очередной раз беременная…

Дочь она не любила, это видно было. Уж самой Софье – точно, а значит, и остальным. Но, как часто случается, старалась этого не показать – оттого и разрешала малышке больше, чем остальным. Дарила подарки, делала послабления… Если бы Софья была ребенком, она бы, может, и расстроилась. Как же, мама не любит. Но она ведь взрослая. Она – вообще левый человек в этом теле, а потому… Ну и фиг с тобой, не люби. Переживем, перекусаем. Главное, что девочка была более-менее свободна. Да и подарки были достаточно ценные, чтобы, когда будет нужно, наградить своих людей за верную службу. Хорошо служат те, кому много и вовремя платят.

Сестра Марии – Анна. Боярыня Морозова. Тут была некрасивая история; насколько поняла Софья, у ее отца был воспитатель – Борис Морозов. Сам по себе мужик неплохой, только вор и властолюбец. Ну, так у власти все такие, традиция, однако.

Так вот, понимая, что любовь монарха преходяща и что царь, став самостоятельным, скоро пошлет воспитателя далеко и надолго, он сделал финт ушами. Подставил царю двух сестер Милославских. Царь выбрал себе Марию, а боярин Морозов женился на Анне и лихо породнился с царем. Впрочем, от опалы это не спасло, народ поднял бунт, и Борис Морозов получил все основания опасаться за свою жизнь. Его чуть не прибили, дом разграбили, еще бы и жену прибили, да та закричала, что сестра царицы, ну и тем спаслась. Повезло…

Пришлось царю отправлять воспитателя туда, где он ни властвовать, ни воровать не мог, а именно в монастырь. Не монахом, не на постриг, нет. Просто пожить, чтобы все забылось.

А если честно, Софья бы его тоже отставила по причине слабоумия. Это ж надо – жениться на девчонке, на тридцать с хвостом лет тебя моложе, да еще и ревновать и плетью ее бить. Вот как такого назовешь? У Софьи печатных слов не находилось.

Ладно еще, когда такая разница в возрасте у жен олигархов с мужьями. Но там-то все ясно, нормальная сделка «товар – деньги». Я тебе молодость и красоту, а также неустанную гимнастику в постели. Ты мне денежку и побольше, побольше… Все законно.

В данном случае бедняга Анна послужила просто связью с царем, а вот дальше для девчонки начался откровенный кошмар.

Ну, деньги, ну наряды, так ведь в постели-то с боярином можно было только… Псалтырь читать. Сексуально тут девчонок не просвещали, максимум, что можно было услышать: «бери ты меня за руки белые, целуй в уста сахарные» – и то порнография! Обалдеть! Естественно, гармонии не получалось, а мужику хотелось наследника… Увы[5].

Не давалось.

В результате Анна ездила к сестре и плакалась ей на свою нелегкую жизнь. А заодно тискала племянников и племянниц. Софья быстро поняла, что к ней можно подластиться и получить подарочки. Тоже плюс. Не из жадности, нет. Но… плохо затевать предприятие, не имея никаких финансовых средств. Хоть бы и спасибо сказать в денежном эквиваленте. Нет, конечно, была у царицы своя казначейша, но вот царских детей она спонсировать не собиралась. Пока…

На эту тему у Софьи были свои идеи.

В очередной визит царица шуганула всех, собираясь в одиночестве пошептаться с сестрой в горнице, но Софья вцепилась в Анну и пустила слезы. Женщина растрогалась и прижала девочку к себе.

– Пусть со мной посидит, Машенька. Маленькая она, не помешает…

Царица недоверчиво оглядела чадо, но видя, что громкого рева нет, просто девочка не хочет расставаться с теткой, махнула рукой.

– Ладно уж…

Вот и сейчас, будучи потискана Анной, Софья устроилась у нее в ногах играть с книгой. То есть она читала, переворачивая страницу, и выглядело это так умилительно, что Анна погладила племянницу по голове.

– Как будто и правда читает, ты посмотри, Машенька…

– Да, кормилица ее мне сказывала, что Сонюшка книгу со слезами требует, но ни одной странички не порвала, все осторожно, аккуратно так…

– Умненькая она у тебя…

– Ох, Нюша, да что в этом толку? Хоть и умная, а девка ведь! Так и засохнет… Дите у меня сейчас под сердцем – каждый день молюсь, дал бы мне Боже мальчика. Наследника еще одного.

– Ради Алексея?

Уголки губ матери опустились. И не царицу в роскошных нарядах и жемчугах видела перед собой сейчас Софья, нет. Обычную женщину, не слишком-то счастливую в браке. Не любимую мужем и потому боящуюся за свое положение, за своих детей…

– Ох, Аннушка, сама ты понимаешь,… сыновья мне нужны. Димушка и года не прожил…

– Анна, не гневи бога. Алешенька у тебя замечательный. А девочки… дал бы мне бог детей – я бы так благодарна была! Я уж и молюсь, и пощусь, да только грешна я. Знаю, грешна. Не люблю я Бориса Ивановича…

– Многое он для нас сделал…

– А счастья все равно нет, как и не было…

Женщина вытерла слезинку. Только вот рука ее в роскошном рукаве сгибалась не слишком хорошо. Царица заметила это и вскинула брови. Вопрос не прозвучал, в теремах и у стен есть уши, но Софья поняла его без слов.

– Бьет?

– Лютует…

Софья молчала, слушая, как жалуется Анна. О, она бы могла посоветовать многое, но кто прислушается к словам трехлетнего ребенка? Хотя и зря. Вариантов была прорва, начиная с самого простого. Родить мужу ребенка от конюха. Или от свинопаса, ибо лучшего не заслужил. Ничтожество потому как. Бить женщину, если она тебе ничего не сделала, – подло. Увы… Анне это в голову не приходило – и зря.

Потом принялась жаловаться Мария – и тут уже дела были поинтереснее.

Строго говоря, терем оказался поделен на четыре партии. Первая – партия собственно царицы. И еще три – трех золовок. Анны, Ирины и Татьяны Михайловны. Ирина, старшая сестра царя, и была как раз той самой, которую неудачно не выдали замуж. Естественно, у нее было тайное свидание с принцем Вольдемаром, и так же естественно, что девчонка влюбилась по уши. О своей великой любви она могла говорить без перерыва на сон и еду. Но властолюбия и дури у нее хватало, так что проблем она царице доставляла немало. Анна Михайловна была обычной серенькой овечкой. Конечно, у нее имелись свои присные и свои заскоки, но в остальном – жила как кактус. Смирилась и хоть не пакостила. Постилась, молилась, одним словом – мозг выносила только себе.

Самой противной была Татьяна Михайловна.

Одаренная художница-портретистка, она была по уши влюблена в патриарха Никона.

Тут-то Софья и навострила уши. Никон? Ага…

Про него она кое-что знала, кстати, от отца Федора. Тот рассказывал, что большей глупости, чем раскол, церковь и не придумала. Бог един, а они, идиоты, занялись, чем не надо бы.

Да какая отцу разница, как ему ребенок крестится? Было бы чадо здорово, да умно, да поступками добродетельно, а остальное – от лукавого.

А сколько людей из-за этого погибло? Сколько самосожглось? Сколько… да до сих пор этот раскол аукается. А все потому что Никон тянул в одну сторону, да слишком себя вознес, а в другую потянул потоп… протоп… вот! Протопоп… а как же его? Вот тут Софья и пожалела, что слушала вполуха. Да не до попов было, когда контракты горели и сделки миллионные заключались. Имя у него еще было такое…[6]

– А боярыня Феодосия все протопопа Аввакума слушает…

Софья едва не взвизгнула: «Бинго!!!» И принялась слушать еще внимательнее. Феодосия Морозова оказалась замужем за братом Бориса Морозова – Глебом. Была она также моложе супруга чуть не на тридцать лет, но ей повезло больше. Хотя бы раз супруг попал в цель, потому как у Феодосии имелся сын Иван. И если Татьяна Михайловна была полностью загружена Никоном, то эта – Аввакумом. Естественно, будучи в оппозиции, Феодосия больше во дворец не ходила, зато давила на жену брата. Анна отпихивалась руками и ногами от всех старообрядческих веяний, но дури (простите, религиозности) у боярыни хватало, так что девчонке доставалось и с этой стороны.

Ну, тетка попала…

Царица утешала сестру, как могла, но та только вздыхала. Своих детей у них с боярином не было, так что после смерти Бориса Морозова – а тот все чаще хворал и чем больше болел, тем лютее становился, – все состояние должно было перейти сыну Феодосии – Ивану. Так что Анна оставалась еще и почти нищей. Ну ладно, не нищей, да и сестра не даст пропасть, но все-таки…

Тоскливо было на душе у царицы.

Софья же, перелистнув для вида страницу, сделала себе мысленную пометочку. Это для местных религия есть священная корова. Для нее же… инструмент типа топора. И она будет тесать своего Буратино любыми методами. А почему – нет? Просто – почему?!

Есть вера. И аксиома то, что Творец есть. Или кто-то сомневается? Не стоит. Он есть, он существует, вот только что непонятно было Софье – на каком основании кто-то считает, что он и только он знает, как правильно верить? Истинная вера христианство? А может, индуизм? Или ислам? Простите, вот лично Софье Бог на эту тему ничего не сообщал. Поэтому довольно трех простых убеждений.

Бог – есть.

Не стоит множить в мире горести и злобу.

Не делай другим того, чего не желаешь себе.

Если подумать, то уже немало. А остальное… да какая Богу разница, какой рукой и в какую сторону ты крестишься, на каком языке молишься и во что одет? Самаритянин оказался добрее левитов… а ведь самаритянин…

Поэтому Софья собиралась использовать раскольников в своих целях. В каких?

Сложный вопрос. Да хоть бы и из терема вырваться и замуж за границу выйти. А почему нет? А там посмотрим…

Без мужа, без семьи Софья в том времени не обошлась и в этом не собиралась. Может же найтись такой, как ее Володька? Который принял ее, как равную, с которым они поделили дело и постель – и работали вместе, весело и с огоньком. И строили, и любили друг друга, и сына родили… в этом времени она своих детей воспитает по полной. Чтобы не были размазнями и слюнтяями! Вот!

Но за размышлениями Софья не переставала впитывать информацию.

Никона Собор снял. Собор – это вроде Госдумы?

Патриарх ждет, что его позовут назад, царевна Татьяна тоже того же ждет, а потому совершенно невыносима. Выедает царице мозг, чтобы та на мужа повлияла, ну и ее сестрам достается. А как царица повлияет? У нее самой номер десятый…

Но на обстановку это все равно влияет. А кому разгребать конфликты и проблемы? Да царице. А она еще, как нарочно, рожает одних девок – и муж шипит гадюкой.

Софья не удержалась. Подобралась поближе, положила матери руку на колено.

– Се бует холосе, мама…

Перевод женщинам не потребовался. Мария вздохнула, вытерла слезинку. Хоть и не любила она Софью, но… тут и от ребенка ласковое слово приятно услышать.

Вскоре женщины разошлись, а Софья отправилась к себе. Сидела, думала, жалела, что нет бумаги. Ей бы сейчас хоть заметочки написать… все равно никто не поймет, о чем она… Хотя – цыц!

Не стоит думать, что тут все идиоты. Она же разобралась со старославянским? Разбирается, во всяком случае. Значит, и на ее записи умники найдутся, невелика проблема.

И начнется. Языческие письмена или сатанизм, что тут больше на слуху… нет уж. Тренируй память, мелочь с ушами.

* * *

Уже ночью, лежа у себя, Софья пыталась вспомнить все, что знала о расколе.

Однозначно, был протопоп Аввакум и боярыня Морозова. И ее то ли сожгли, то ли в монастырь заточили – хвост ее помнит. В памяти только картина, где полностью озверевшая тетка воздела вверх два пальца, а вокруг толпа народа.

Но вроде как… Софья изо всех сил напрягала память, вспоминая, что говорили на уроках. Было ведь, было… однозначно – судил Морозову царь Алексей Романов. И его еще уговаривали пощадить тетку, мол, баба-дура, но он отмахивался. Мол, хоть она и дура, это понятно, но достала она меня до последней крайности. Вот и пусть огребет.

И был этот Алексей отцом Петра, которому и оставил в наследство раскол. Софья кусала губы. А ведь из глубины памяти и кое-что другое выплывало.

А именно – роман Толстого «Петр Первый». Читать женщина не любила, но… кто бы нас спрашивал? Пришлось в свое время одолеть, и она помнила, что у Петра были контры со старшей сестрой. Софьей, ептр!

Пальцем тыкать надо – или сама догадаешься?

Кажется, она наконец определилась, где и когда. Но если кто-то скажет, что это доставило женщине удовольствие, – плюньте ему в наглую рыжую морду. Два раза. Софья смотрела в цветные стеклышки окна – и в голове мерно отщелкивали невидимые костяшки четок.

Я – Софья Алексеевна.

У меня будет брат Петр, с которым я буду бороться за власть.

Он победит и меня убьет. Или заточит в монастырь? Я не помню сейчас, не помню… Помню только, как он рубил боярам бороды и как воровал Меншиков. Но вот что стало со мной в том мире?

Что стало со мной в будущем, и как мне поступать, чтобы этого избежать?

Не знаю, ничего не знаю, и не спросишь, не прочтешь…

Приступ отчаяния длился недолго, слишком уж нехарактерно это состояние было для женщины. Пусть тело детское – разум в нем вовсе не маленький. Вскоре Софья успокоилась, вытерла противные слезы – надоедливая реакция на любой стресс, видимо, это очень эмоциональный ребенок… был, и принялась составлять план действий.

Что в плюсе? Она уже родилась, Петр еще не родился. Время на ее стороне.

Что в минусе? Отсутствие знаний. Она еще не одну ночь проведет, припоминая все, что знает из истории, но сейчас уже понимает, что прорех в ткани знания больше, чем собственно нитей.

Софью прежнюю на трон посадили стрельцы, но она там не усидела. Кажется, так… Петр победил стрельцов потешными полками и разогнал или повесил. А еще… если Софья была у власти – у нее была команда. Разве нет? Обязана была быть.

Но про команду ничего не вспоминалось, зато все чаще выплывал толстовский Петр. Кажется, у Софьи был любовник – как-то на «гэ»… и какой-то поп… имен Софья, хоть убивайте, пока не припоминала. Да, память ее идеально подчинялась хозяйке, но не вспомнишь же ты, какого цвета были штаны на ректоре на торжественной линейке? Для тебя это не имело никакого значения – вот память и не озаботилась. Или просто убрала эти сведения так далеко, что придется перерывать весь чердак воспоминаний и растребушить все коробки. Сейчас ей ничего не припоминается, потом, возможно, что-то всплывет. И все же, все же… нет у нее ощущения, что у Софьи было много своих людей. Почему так?

Почему?

Потому что царевны заперты в тереме и слово «свобода» по отношению к ним можно даже не применять?

Потому что Софья-первая была ограничена своим временем?

Или были еще какие-то причины?

Не знаю, не знаю… Чер-р-р-рт!

Девочка вскочила и нервно заходила по комнате. Полы холодили пятки. Хорошо хоть она убрала из своей горницы служанок. Со слезами, со скандалом, но убрала. Теперь никто не сопел над ухом, никто не видел, что царевна ночью вместо сна отжимается, прыгает через самодельную скакалку или ходит по комнате, бормоча себе под нос странные заклинания «еж твою медь», «расплетай», «песец» или что-то в этом духе.

Итак, что надо делать?

Первое – команда. Свои люди, которые ценнее золота. Вот они с Володей были друг у друга, но они сразу подбирали себе и бригады, и управленцев, по институтам ездили… откуда тут институты?

Нет… и не будет еще долго. А уж про женское образование молчим. Старшая сестрица Евдокия… оценила Софья ту коровушку. Десять лет девке, шить умеет, а буквы едва выучила. Читать до сих пор по буквам пробуем. Аз да рцы – ар да буки – арб или абр?..

Не-ет, на родственников полагаться можно, но не нужно. Не тот народ… или тот? Если попробовать обработать кого-то из младших? Алексея, например?

Кстати, а тот ли это Алексей?

Или уже у ее брата родится сын Петр?

Черт его знает…

Ладно. Будем исходить из худшего. Но своя команда нужна в любом случае. И… летучий эскадрон?

Софья остановилась. Мозги заработали на полную мощность. «Летучий эскадрон» Екатерины Медичи, компания баб, которые в постелях могли выведать любую информацию… пройдет ли это здесь?

А почему нет? Только не в той форме, в которой их продвигала Катька. Придворные проститутки на Руси не нужны, а вот женщины, которые желают лучшего для своих детей… ведь голод, бунты, кровь затрагивают всех… на что готова женщина, чтобы обеспечить своей кровиночке сытое будущее, качественное образование и хорошую работу – гарантию сытой и спокойной жизни?

Можно не отвечать.

А ведь еще можно то же самое и с парнями продвинуть. Жаль, что на Руси нет культа прекрасной дамы. Хотя местные красотки… м-дя…

Лицо белим в три слоя, поверх рисуем брови, губы и щеки, зубы вообще зачернить, чтобы лицо белее казалось, – полный абзац. И травятся красотки совершенно самостоятельно. Составляющими данных косметических радостей. Еще и свинцовые расчески, а кое-где и посуда… красотень!

Радости времен Медичи и Борджиа – травить никого не надо, сами передохнут…

Софья нервно заходила по комнате. Вырисовывалась интересная картина, которую она вполне сможет сложить. Но!

На такие радости нужно согласие нескольких человек. И начать надо с братца Лешеньки и его воспитателя. Если получится ломануть этих, то потом можно будет добраться до папы и коллективом выканючить то, что ей нужно.

Да-да, именно ей. Не принято тут как-то о финансах и политике думать в возрасте до пяти лет – и нигде не принято. А вот она – думает, да и кто б не думал, в сочетании с перспективой просидеть в заключении в тереме весь остаток жизни?

Итак – план действий прост. С завтрашнего дня беремся за братика Лешу и его воспитателя дядю Федю Ртищева. Хм-м, Дядя Федор, Пес и Кот весело идут в народ? А идея… Если получится приручить этих двоих, то и с остальными можно будет попробовать. Хорошо и то, что отец пока в отъезде, лучше на всякий случай подготовить программу полностью. Софья еще не знала, что собой представляет Алексей Михайлович Романов, но лучше ориентироваться на худшее – то есть дубовость и патриархальность. И проводить свою линию развития. А вот как?

Ничего, кое-какие наметки есть, с остальным разберемся.

Если бы кто-то увидел сейчас девочку, то сильно поразился бы коварной, вовсе не детской ухмылке на нежных розовых губах. Но Софью никто не видел. Вот и не надо, ни к чему это…

Рано, пока еще рано…

Софья заснула с довольной улыбкой, чтобы проснуться и идти в церковь.

* * *

Идти – это и значило идти. Примерно половину пути Софья проделывала на своих ногах. Да, не слишком быстро, да Груне приходилось тяжко, потому что девочка то просилась на ручки, то требовала идти самой, ну да ладно, потерпит. Нельзя, чтобы ее везде на руках таскали и тетешкали. Так и ноги атрофируются за ненадобностью.

Молитва закончилась, потом возвращение в покои, завтрак, а потом…

Чем можно заинтересовать ребенка?

Игрой. А маленького? Простой игрой. Алексей сидел на руках у няньки и слушал сказку – что-то ужасно занудное из жизни богатырей. Раз махнет – улочка, отмахнется – переулочек… комитета градостроительства на такого богатыря не было, факт. Они б ему прописали и улочку, и закоулочек…

Самая простая игра. Наперстки. Три наперстка кручу, бусину найти хочу… матчасть обеспечила Марфа. Откуда она что взяла – неважно, важно было другое. Заинтересовать…

Смешно, но вот эту игру Софья знала. В общаге когда-то научилась, и как в нее разводят – тоже. И играла с Груней, которая неотлучно находилась при царевне, то угадывая, то промахиваясь, но рядом с Алексеем, поглядывая на него краем глаза. И – заинтересовался.

Софья едва не взвизгнула от восторга, когда Алексей почти перестал слушать няньку. А потом и выдрался из цепких ручек, и встал рядом.

– Тут.

Проиграл, естественно. И попробовал еще раз. И еще…

Дальше Софья умело чередовала проигрыши и выигрыши, так, что забавы хватило часа на два. Потом взялась учить братца, правда, поддаваясь – и так они продурачились до обеда. Инвентарь – наперстки с бусиной остался у Софьи, так что на следующий день Алексей опять попробовал поиграть с сестренкой. Софья, недолго думая, научила его еще и старинной игре «камень, ножницы, бумага, грифель, пламя и вода…».

Отлично получилось, кстати…

На очереди были классики и резиночки. «Казаки-разбойники» все-таки пока перебор. А то, что резинок пока нет, – тоже не беда. И тесемками обходились, когда надо было…

Софья приручала ребенка и мрачно думала, что это ей наказание свыше. Со своим сыном не возилась? С чужими детьми будешь заниматься! Да не по принципу «продержаться до прихода родителей и спихнуть дитятко», а с чувством, с толком, с расстановкой, чтобы ребенок к тебе привязался и полюбил. Не нравится? Ты бы лучше шесть раз смету на строительство торгового центра пересчитала? А выбора нет… не дают…

Пришлось ломать себя через колено и заниматься с мальчишкой. Играть, соревноваться, учить…

Одним словом, через неделю царевич был вполне ручным и с удовольствием то сам приходил к сестренке, то отказывался с ней расставаться. Какой главный ключ детей?

Интерес.

А с Софьей ему было интересно, вот и весь сказ. Былины надоедали, дядька, который пытался учить, – тоже, няньки – злили, а девочка была источником новых забав.

Скакалочка. Несложно? А вот вы попробуйте то так, то этак, с перехлестом, с поворотом… это Софья уже могла. Алексей пока не мог, но уступать пигалице?

Царица, к счастью, принемогла. Беременность протекала тяжело, оно и неудивительно. Каждый год по ребенку – тут лошадь загнется, не то что женщина, а без нее никто к детям не лез.

Анна сидела с сестрой, когда приезжала, царевны Михайловны тоже, к везению девочки, занимались своими делами – они вообще поделили сестер, и Татьяна опекала Марфу, а Ирина – Евдокию. Старших Софья собиралась им оставить, лишь бы не лезли, младшими занималась Анна Никифоровна, а вот они с Алексеем пока осваивали общество друг друга.

А потом, постепенно, Софья смогла и переключиться на дядю Федора.

Произошло это случайно, ну, как… почти закономерно, что если царевич и царевна много времени проводят вместе, то дядька, позвав учиться одного, наткнется на умоляющие глазки другой.

– Дяенька… мона?

И глазки кота из Шрека состроить, даром, что ли, у Софьи в свое время такая заставка висела? Нагляделась… с секретаршей-кошатницей.

Что предполагал боярин Федор, Софья не знала, хотя и догадывалась. Впрямую царских отпрысков посылать не рекомендуется, даже более того – их надо слушать. Просто мелочь – она глупая и ее можно уболтать, подкупить сладостями, игрушками, погремушками… а если Софья уже не ребенок – она и действует не по-детски. И княгине Лобановой-Ростовской уже нет входа в ее покои, ибо чадушко каждый раз такой рев устраивает, что стены дрожат. А выходит княгиня – и тут же тишь, да гладь, да царевна улыбается солнышком… вот она и не заходит, чтобы не нарваться. И шпионок своих хоть и пытается подсунуть, но очень осторожно.

Так что Федор Михайлович собирался взять Софью с собой, а когда ей будет скучно и она поднимет рев или начнет шалить, – выставить ее с полным правом. И впредь уже разводить руками – мала царевна, глупа. Что с ребенка взять, рано ей учиться… щаз…

Софья с удовольствием осмотрела классную комнату. Интересные изукрашенные доспехи в углу, карта мира на стене, столик с книгами и удобным стульчиком, несколько полочек, лавку…

Туда Софья вмиг и залезла, заслужив первый одобрительный взгляд боярина. Как же – усаживать не пришлось.

А вот обучение местной азбуке заставило женщину изрядно загрустить. Каждой буквице соответствовала такая витиеватая картинка, что часто узнать ее потом в тексте было сложно, к каждой букве прилагался какой-либо поучительный стих на тему христианства древних времен… тоска…

Азбука Бурцова девочку порадовала гравюрой – изображением ученика, которого пороли розгами. Букварь Ивана Федорова заставил призадуматься – и она взялась за учебу.

Да, Псалтырь кое в чем помог ей. Но ведь не во всем, далеко не во всем…

Некоторые буквы как оставались ей неизвестны, так и… м-да, надо бы поработать…

И Софья принялась вслед за Алексеем достаточно четко произносить буквы, а потом на слух и учебные стишки. Картавила, конечно, безбожно, ну, так никто ж толком не развивал. Это все еще впереди…

Сначала мальчишка косился, да и воспитатель тоже, но потом включился соревновательный элемент – и занятия пошли куда как веселее. Два часа промелькнули как один, и когда пришла пора царским чадам полдничать – Софья сама подошла к боярину.

– Моня завтья? Есе моня?

Колебания боярина были вполне ощутимыми. Но через пару минут он… кивнул!

Софья потерла руки – мысленно, исключительно мысленно! – и предложила Алексею:

– Напейгонки?

Дождалась кивка и выдала уже вполне знакомое Алексею:

– Пьиготовись! Собьайся!! Бегом!!!

Бегать в длинном платье было неудобно, ну так юбку и подхватить можно. Главное – другое. Чтобы Алексей начал воспринимать ее как подругу, сестру, необходимый элемент декора… да хоть кого, лишь бы не выставили!

Потому что в углу классной комнаты Софья увидела очень знакомый предмет. Нечто, похожее на шахматную доску… и вот тут-то начал складываться коварный план.

Так получилось – в детстве Софья виртуозно играла в карты. А вот выйдя замуж… Володя карты терпеть не мог. Зато обожал шашки, шахматы, нарды… пришлось им заключить первое супружеское соглашение и начать учиться друг у друга.

Карты Володя освоил сразу. И даже начал уважать преферанс, немного. Софье же пришлось куда хуже. Сквозь шахматные премудрости она продиралась, как медведь через кусты – оставляя на каждой иголке лоскутки кожи – времени, и клочья меха – самомнения, но выучилась. Идеальной ее игру назвать было нельзя, но в припадке вдохновения она составила бы проблему даже для опытного шахматиста.

Поэтому дня четыре Софья сидела смирно, завоевывая сердце дяди Федора. Ну а заодно и осваивая азбуку, которая с ее помощью намного веселее пошла и у царевича. Чего стоило одно предложение – мол, я букву изображаю, а ты попробуй угадать. А потом наоборот?

А еще…

Нет, всех игрушек своего времени Софья не помнила. Но вот про кубики с буквами знала. И здесь их не было, а зря. Виселица, эрудит… хорошие ведь игрушки, разве нет?

Намек дяде Федору пришлось подавать три раза. Первый – Софья нарисовала каждую букву на отдельном листе бумаги и принялась их двигать и складывать. Потом загрустила – мол, неудобно. Стола не хватает. Вот, были б они поменьше…

Дядя Федор, не будь дурак, оценил идею – и помог детям нарисовать поменьше.

Расположились уже на ковре с таким густым ворсом, что в нем нога по щиколотку тонула. Но хватило идеи на день-полтора. Потом Софья опять стала страдать, что рвутся…

А вот если бы на дереве…

Сами-то буквицы из дерева вырезать тяжко, а вот если на дереве, да покрасить…

Примерно через пять дней у ребят был полный набор буковок, а потом и второй. Заказать плотнику кубики было несложно, а раскрашивали вместе, перемазавшись в краске по уши. Отмывались потом тоже вместе, в здоровущей царской мыльне. Брызгались, смеялись, кстати, тут было мыло – и Софья научила брата пускать мыльные пузыри через соломинку. За солому спасибо той же Груне.

Алексей был в восторге.

Федор Ртищев тоже был доволен. Ребенок учится, на уроках дурака не валяет, азбуку осваивает быстро и весело, а что вместе с царевной, так что б и нет? Царь-батюшка небось против не будет, когда узнает. Не дурочкой дочь растет…

Кстати, надо б еще и с цифирями такие ж кубики заказать, да побольше… а можно и подарить на именины…

Довольна была и Софья. Брат приручался, недалеко то время, когда он вообще без Софьи жить не сможет.

Довольна была ее кормилица Марфа. И при деточке, и деточка довольна, и власти над ней почти нет – ребенок на ее защиту соколенком бросается. Чуть что – крики, плач, возмущение, так что притеснять ее и не пытаются.

Довольна и Груня. Была постельницей, каких много по терему бегает, стала личной служанкой царевны. Была Груня – стала Аграфена Тихоновна.

Справедливости ради, были и недовольные.

Например, княгиня Лобанова-Ростовская, которая хоть и не лезла, но шипела гадюкой. Софье на это было начихать два раза. Разберемся. Вот будет создавать проблемы, тогда и перебеседуем.

Недовольны были девки, которых княгиня хотела пристроить к Софье, но потерпела поражение на всех фронтах. И Софья понимала, что ей придется как-то это нивелировать, но потом, позднее. Пока еще не та степень недовольства, чтобы дойти до взрыва.

Пока надо крепить свои позиции…

* * *

Эта игра называлась *тавлеи*.

С шахматами она имела общего разве что клеточки, а в остальном…

Доска была больше. Не восемь на восемь, а девять на девять – это маленькая и девятнадцать на девятнадцать – большая. Черные и белые фишки, в центре доски находится один Князь-камень. Дальше варианты различны. Для 9х9 его берегут восемь черных защитников, а нападают шестнадцать белых. Для семнадцатиклеточного квадрата число увеличивалось – защитников было уже двадцать четыре, а нападающих сорок восемь. Двигались фишки по принципу ладьи. Исключение составлял Князь, которого надо было вывести из окружения, разгромив превосходящего противника.

Естественно, когда Софья проявила интерес к игрушке, боярин Федор покачал головой, мол, не поймешь. И не играют женщины на Руси в шашки-шахматы золоченые…

Софья хлопнула ресницами. А как же басня про Василису Микулишну? И принялась ныть с удвоенной силой, пока боярин не сдался. Когда заниматься?

А вот вместо послеобеденного сна… ну пожалуйста, пожалуйста, пожа-а-а-алуйста…

Ртищев только рукой махнул. Ладно. Пару раз с ней сыграть, не поймет да и отвяжется…

Потому от первого визита в покои царевны он многого и не ожидал. Уж точно не того, что будет усажен, как дорогой гость, что служанки будут суетиться вокруг, а Софья будет слушать с вниманием, достойным не трехлетнего ребенка, а скорее, боярской думы.

А потом еще и повторять за ним. И требовать разъяснений там, где непонятно. А потом еще и играть пробную партию.

К концу второго часа с боярина пот ручьями хлестал. С Софьи, впрочем, тоже. Но расстались они взаимно довольные. Софье надо было научиться. Боярину же…

Приятно учить, когда тебя понимают, внимательно слушают, оценивают по достоинству… одним словом – на следующий день встреча повторилась. И еще через день, и еще…

Нельзя сказать, что Софья стала мастером тавлей. О нет. Но чувствовала она себя более-менее свободно, оставалась практика. А еще – соединение знаний, которые были, с новыми. И вот это дало совершенно неожиданные результаты.

Сицилианская защита и французская система, гамбиты Мора и Таля, ферзевый гамбит и Каро-Канн… применимы были, дай бог, процентов двадцать из ее опыта. Но там, где можно было их соединить, – результаты были совершенно невероятные. Боярин удивлялся, ужасался, ахал… и восхищался ученицей. Ему пока позволял выигрывать опыт, но подозрение, что это ненадолго, тоже было.

Но ведь ребенок же…

Шахматы о возрасте игрока не знали. Они с одинаковой охотой повиновались как руке трехлетней девочки, так и руке боярина, разменявшего шестой десяток. И очень быстро послеобеденная партия стала привычной для Софьи и боярина Федора. А там и для второго царевичева дядьки, Ивана Петровича Пронского.

Сначала-то мужчина и слышать не хотел про Софью Алексеевну, но потом, когда Алексей Алексеевич решительно отказался обучаться без сестренки, призадумался.

Обычно не возникает такой близкой дружбы между мальчиками и девочками, между шестилетним мальчишкой и трехлетней малявкой. Нет общих точек соприкосновения. Но тут они нашлись.

Так что, решив почитать Алексею книгу о пушках, Иван Петрович столкнулся с сопротивлением. Царевич потребовал позвать Софью, после чего повторилось то же, что и с Федором Михайловичем. Сначала – пусть сидит, потом выгоню. Потом – нет, не выгоню, при ней царевич лучше слушает…

Хотя о пушках Софье было откровенно неинтересно. Ладно бы хоть оружие было. А то… заряжать ее – и то десять минут.

Пушка, мортира, бомбы, гранаты, ядра…

Софья мрачно думала, что ей здесь жить. А потому и знать надо, что да как… ну и брата приучать к себе. Так что вопросы сыпались из нее десятками – и она начинала уважать воспитателей царевича. Неглупые, серьезные мужики. Каким бы ни был Алексей Михайлович, но учителей он сыну подобрал правильно. Знания они в голову вложат, потому что сами и пороха понюхали, и кровь проливали. М-да, с таким оружием и Русь ведь выстояла. Гордость берет за своих предков.

Эх-х-х, тяжко жить на белом свете, когда тебя не волнует военное дело. А надо. Если не знаешь, чем и как защищаться, то тебя сожрут…

Самое забавное началось, когда Иван Петрович ради смеха решил сыграть с Софьей в тавлеи. Умный мужик с самого начала внял предупреждению Федора Михайловича и отнесся к игре серьезно. Но Софье это не помешало разгромить его в длительной и жестокой борьбе. Вторую партию проиграла уже она. В третьей получилась боевая ничья, но игроки остались довольны друг другом. И играли теперь регулярно. Глядя на них, стал интересоваться и царевич Алексей.

Получалось у него плохо, но тут главное – упорство и желание, а мальчишка был способный. Софья даже иногда вздыхала. Был бы ее сын таким… или мог бы стать, займись она ребенком, а не бизнесом?

А, что толку плакать над пролитым молоком. Теперь она живет здесь – и здесь будет устраиваться.

* * *

Идиллию Софьи нарушила Татьяна Михайловна. Не со зла, нет. Так получилось. Татьяна Михайловна опекала царевну Марфу, но та была не слишком подвижна и активна. Этакая сонная черепашка. Оно и неудивительно.

Софья знала о пользе движения, проветривания, влажной уборки – и у нее в покоях все это исполнялось. А вот другие царевны были обычными детьми. Много может ребенок против компании взрослых, точно знающих, как ему лучше?

Да ничего не может.

Поэтому Марфа едва знала буквы, читать и не пыталась, кое-как начинала вышивать в светлице, а рисовать… Каля-маля – это лучшее определение ее творчества.

Сама Татьяна Михайловна рисовала отлично, будь они в XXI веке, Софья тут же предложила бы ей должность в дизайнерском отделе, но здесь…

Замуж – нельзя, гулять – нельзя; нет, оранжерея, конечно, есть, но там ведь напряжение не сбросишь, а куда оно переходит?

Мужчины в таком случае бьют морду. Женщины – стервят. И в данном случае…

У каждой царевны были свои покои. Небольшие, но личные. Старшие царевны, то есть сестры ныне правящего царя, жили в своих теремах. Личных и индивидуальных. Но в гости к царице приходили. А тут явилась Татьяна Михайловна к царице, напомнить еще раз, мол, царь-батюшка скоро возвращается, так ты походатайствуй перед ним за Никона. Ведь свет земли русской, веры православной в ссылку сослал…

Царица, будучи в состоянии нестояния – еще бы, на сносях, плюс перепады погоды и плохое настроение – ответила достаточно резко. Царь-де и сам знает, кого куда посылать и ссылать. Нет, все было вежливо, корректно, но лучше бы уж матом послали, как выразился один из прорабов, вылетая от Софьи после разноса. А теперь картина маслом: женщина после вежливого посыла ко всем чертям вылетает от царицы, идет к крестнице Марфе, но по дороге встречает княгиню Анну Никифоровну. И та начинает «понимать и сочувствовать», как это умеют только очень стервозные бабы. Мол, я вся на вашей стороне, вы завсегда правы, да, ваша крестница, Марфинька, ну такое чудушко, такая лапочка, такая умница… вот царевна Софья – та, конечно, не иначе, как в свою мать, а Марфинька – ангел небесный,

добрая, умная, послушная, не то, что Софья, змеюка и гадюка…

Естественно, к чести Татьяны Михайловны, она не поверила сразу. Решила проверить. И наткнулась у Софьи на картинку. Сидят маленькая девочка, два бородатых боярина и учат малявку играть в тавлеи. Точнее – со всем усердием разбирают уже сыгранную партию. Тут же кормилица, тут же служанки, а Софья слушает с полным вниманием и прилежанием.

Грянул скандал.

И о его причине Софье долго догадываться не пришлось, как-никак Анна Никифоровна царевну провожала до покоев племяшки. Одного взгляда хватило.

Женщины на Руси не играют. И вообще игрища – от беса, и ни к чему они… одним словом – если бабе надо пар спустить, так она такого кобеля спустит, что собака Баскервилей мопсиком покажется…

Бояре сбежали первыми, и Софья их понимала. Вообще, шахматы были запрещены уж лет как сто, но по принципу «сухого закона». Водки нет, но если хочется, то еще как будет. Так же и со скоморохами, хоть Никон их и гонял, но ни музыку, ни народных юмористов извести не мог. В городах-то – да, могли и покритиковать, а в деревнях, в селах – там они ездили и работали.

Алексей Михайлович и сам играл, и достаточно неплохо, но объяснять косноязычным лексиконом трехлетней девочки стареющей тетке в приступе озверения, что она не права? Сами попробуйте…

Софья выдержала разнос с максимально смиренным видом и вскинулась, только когда Татьяна попробовала наказать ее служанок.

Гнать их поганой метлой из терема за допущение такого кощунства в отношении царевны и никак не меньше…

Вот тут Софья уперлась и сама пошла на тетку.

Гнать? Не дам! Мои слуги – мои слова. Моя вина – мой ответ. Говорила девочка по возможности более коротко, чтобы было понятно, но из ее слов Татьяна отчетливо уяснила главное.

Слуги делают то, что им царевна приказывает. Если она виновата – наказывать надо ее. И наказывать будет отец, а не тетка. Вот если царь-батюшка приказать или запретить изволит – тут Софья сразу же подчинится, а у царевны Татьяны тут таких прав нет. Она – не царица.

Так что служанок не трогать!

Сказано было максимально вежливо и корректно, но симпатий между двумя царевнами не прибавилось. Так что вылетела Татьяна как ошпаренная. Вопрос был сложным.

С одной стороны, она – царевна и вроде как старшая. С другой – она только сестра царя, а Софья дочь. Любимая сестра – Ирина, номер Татьяны – последний. Софью, конечно, он тоже не слишком любит, но на Татьяну вообще рассержен за мозговынос насчет Никона.

Одним словом – все зависело от того, кто первый накляузничает царю. Выпроводив тетку, Софья уселась на кровати в позу лотоса – не надо про медитацию, просто удобно, да и гибкость так лучше развивать – и принялась размышлять. Тут многое зависело от отца. В каком настроении приедет, что, как…

А мы все равно попытаемся все развернуть в свою сторону, в конце концов, пока Сонечка – симпатичный ребенок, а таланты еще ни одному чадушке не мешали. Главное, намекнуть, что все именно от папы, а то ж…

А тетке и княгине Анне надо бы гадостей сделать, да побольше, побольше… ничего,

свои люди – сочтемся.

* * *

Софье повезло. Можно сказать – до невероятности.

Татьяна Михайловна действительно собралась проучить племяшку – для ее же блага, разумеется, ну куда ребенку в тавлеи играть? Лучше б молиться училась да шелками шить. И с этой целью подстерегала брата, чтобы первой поймать его по возвращении в Москву с охоты.

И – нарвалась.

Охота не удалась, и это еще мягко сказано. Кроме того, пришло письмо о капитуляции армии Шереметева под Чудновом – войска терпели поражение. Так что во дворец царь вернулся не в лучшем настроении.

А тут еще царица недомогает, лежит в попытках сохранить ребенка и ладаном ее так окуривают, что чихать хочется, любимая сестра Ирина тоже недомогает. Правда, по другой причине – простудилась, бедолага, на два вдоха – три чиха. Зато Татьяна брата видеть очень сильно желает.

Увидела… на свою голову.

Хоть и прозван был в истории царь Тишайшим, но вот беда – к его характеру это особого отношения не имело. Прозвище – и только. А в остальном был Алексей Михайлович достаточно вспыльчив, жесток, но отходчив и как все слабые характером люди винил в своих бедах окружающих, а потому Татьяна пришлась совершенно не ко времени.

Нет, сначала-то все было прилично и тихо.

Чинный визит в царевнины палаты, не менее чинное чаепитие и похвала новым рисункам. А вот потом Татьяна плавно перешла к племяннице.

Мол, Марфинька умница, а вот Софья… ИГРАЕТ В ТАВЛЕИ!!!

Естественно, царь не поверил. А кто б на его месте сразу же согласился? И не положено девочкам, и возраст не тот, и вообще… одним словом – царь сестру поднял на смех – и вот тут Татьяна Михайловна допустила ошибку. Принялась сначала убеждать, что Софья не играла с фишками, а именно, что играла с учителями царевича.

Что это распущенность во дворце виновата. И вообще – ужас и кошмар. Был бы здесь собинный друг государя, патриарх Никон, никогда б такого позора не было… Зря царь от него отрекся и умных советов более не слушает…

И вот тут влипла по полной программе.

Потому как разлад со старым другом Никоном давил на душу царя, хотелось и справедливость соблюсти, и, опять же, царское достоинство не уронить, да и кто взамен него патриархом будет, тоже еще вопрос…

Царевне было выдано про бабий – читай – куриный! – ум, про недопустимость лезть, куда не надо, и не просят, и не приглашают, про…

Одним словом – вспыльчивость у Романовых была фамильная, но поскольку царь всегда прав…

Татьяна осталась глотать слезы, а царь решил-таки наведаться и к родному ребенку. Заодно наследника повидать, благо пока он еще жил с матерью…

Софья о визите царя узнала почти сразу – Марфа примчалась и заахала, мол, царь-

батюшка идет. План сложился мгновенно. И когда дверь распахнулась перед царем, какую же картину он увидел?

Софью.

В одной рубашонке стоящую на коленях перед иконами и картаво, но очень тщательно выговаривающую слова молитвы.

Гнев погас, как и не бывало. Софья это затылком почувствовала. Дверь открывалась резко: явно человек, стоящий за ней, был рассержен. Но такая картина…

Софья продолжала проговаривать слова, затылком чувствуя взгляд. Потом произнесла заключительное «аминь» и повернулась. И с воплем «Тятя!!!» бросилась мужчине на шею.

Алексей Михайлович Романов подхватил дочь на руки. Поцеловал в нос.

– Здравствуй, малышка…

Был Романов достаточно высок ростом, голубоглаз, откровенно толстоват, лицо окаймляла подстриженная и ухоженная темно-русая бородка, в уголках глаз прятались морщинки, но цвет лица у него был не слишком здоровым. Печень или почки? Вроде отеков нет, скорее печень…

– Тятенька… я скусяла…

Отцы и дети в чем-то ужасно одинаковы, сколько бы веков ни прошло и какое бы положение ни занимали первые. Софья была осмотрена со всех сторон и вынесен вердикт: «ты так подросла…»

Отец тоже был осмотрен со всех сторон, и ему было нагло заявлено «тятя, я тебя любью»…

На том бы встреча и кончилась, но тавлеи…

Которые, кстати, не особо спрятанные, лежали на столике в горнице.

Естественно, как и любой отец, Алексей Михайлович поинтересовался – умеешь? Софья гордо закивала и принялась расставлять фигурки из мрамора. Потом зажала две в кулачках и вытянула вперед, предлагая отцу выбирать…

Ей выпало защищаться.

Первая партия прошла с разгромным счетом в пользу Софьи. Естественно, потому что от трехлетнего ребенка такой прыти не ожидаешь – и получаешь по полной программе.

Вторую Алексей Михайлович свел вничью. Третью выиграл и посмотрел на девочку уже другими глазами. Талант…

Романов был вспыльчив, но отходчив и мог каяться. Сорвался он на Татьяне, и сложись все в покоях дочери иначе, Софье досталось бы тоже по полной программе. Но младшей царевне повезло. Сначала молитва… а учитывая религиозность мужчины, она сыграла роль успокаивающей мантры, потом умиление и любовь… одним словом, вся отходчивость, которой бы пролиться на Татьяну, досталась Софье.

– Да ты у меня умница…

– Мафа говоить в тятю…

Получалось невнятно, но похвала – она любому отцу приятна. Естественно, что все положительные качества у ребенка только от отца. Ну, может, глаза или там уши от матери, а все остальное – от папы, это каждый отец знает…

– А кто тебя научил?

Говорить пока получалось невнятно, но Софья вкратце рассказала, что училась вместе с Алешенькой и тут же умоляюще сложила ручки.

Тятенька, можно мне учиться вместе с братиком, пожалуйста, пожалуйста, пожа-а-а-

алуйста.

Я буду очень хорошей, буду молиться и поститься, буду кушать кашу и надевать шерстяные носки – опять-таки, список не сильно меняется с течением времени и женские методы тоже.

Алексей Михайлович только рукой махнул. Мол, если дитятко просит – ну, поучись пока… скажу я Алешиным учителям, а о братике ты что скажешь?

Братик хороший, как папа…

А чему тебя еще научили, кроме тавлей? Молитвам? О Боженьке рассказали? А чему бы ты научиться хотела?

Языки знать? Чтобы со всяким человеком поговорить можно было? Вроде как и незачем, но если ребенок так уж просит…

Одним словом, встреча закончилась в пользу Софьи. Но то, что Татьяна Михайловна затаит злобу и постарается отыграться, Софья даже не подвергала сомнению. А кто бы на ее месте остался благородным?

* * *

Теперь уроки Алексея Софья посещала со всем возможным правом. И училась прилежно.

Глядя на такое старание, за ней тянулся и царевич, а его дядьки только головами качали. Коллективом всегда усваивать материал проще и интереснее, Софья умудрялась помогать брату – и в результате, когда спустя месяц царь решил узнать, как там учатся дети, он оказался приятно изумлен. Нет, он отлично понимал, что детей хвалить принято, что царских детей ругать не станут никогда и даже если царевич носит гордое прозвище «барана», ему так категорично никто ничего не скажет. Но и таких похвал…

Дети освоили букварь и занялись чистописанием.

Дети бойко считают до ста.

Дети интересуются латинским, польским и франкским языками. Почему два последних? Так вдруг воевать придется?

Царевич просто гениален, весь в отца.

Царевна? Тоже в отца, определенно. Удивительно живой ум, ей бы мальчиком родиться…

Алексей Михайлович покачал головой, но спорить не стал. Распорядился попробовать учить других царевен, но благое дело заглохло не развившись. Царевны учиться просто не хотели. А зачем бабе учение? Умела б вышивать да молиться…

Разве что младшую сестру Софья пыталась приучить, но получалось плохо. Что поделать, все невеликие педагогические таланты Софьи уходили на брата и на остальных просто ничего не оставалось.

Также стоит отметить, что очень тяжело Софье не было.

На ней не лежали домашние заботы, ей не надо было работать – хотя это и было непривычно – с нее вообще по малолетству никакого спроса не было. Насколько тяжело для человека четыре-пять часов в день проводить с ребенком, за которым не надо ухаживать, с которым надо просто играть?

Не настолько и сложно.

Правда, иногда ее настигали приступы страшной головной боли, но она так рассудила, что это просто перегрузка. Все-таки обычно трехлетних детей так не нагружают, а она себя перегружала. Ну и ладно! Прорвемся!

Учеба давалась Софье легко. И она могла интересоваться тем, что было важно.

С кем граничит Русь? С кем воюет? Мирится? Договаривается? Торгует?

Вопросов была прорва, ответов намного меньше. Но вскорости дядьки царевича привыкли, что Софья не совсем обычный ребенок и может понять, о чем с ней разговаривают, и перестали сюсюкать. Теперь ей объясняли внятно.

Софья медленно складывала картинку из кусочков – и та была печальна.

На данный момент на юге Русь имела Прикавказье и набеги татар. Обстановка на Кавказе, конечно, была не великолепная – вековые традиции? – но по крайней мере войны там не было, а Грузия так и откровенно пыталась присоединиться. Во всяком случае, русский царь именовался еще Иверским и Карталинским, Грузинским и Кабардинским[7]. Хотя толку с того было – чуть. Название звучное – и только-то.

На востоке – Сибирь и Китай. Там пока ничего не ясно.

На юге – Речь Посполитая и Османская империя.

Гадость жуткая. Война за войной – за границы и территорию. Одним словом, звание почетного геморроя Российской империи им можно было присваивать. Одно на двоих, ага…

Украина, кстати говоря…

Софья честно расспрашивала, что и как, и выяснилась печальная истина. Великой Украины, несмотря на все крики националистов, не имелось. Увы…

Правобережная Украина, Левобережная Украина, Запорожская Сечь и Слободская Украина – вот таков полный список. Территория – минимальна, навыки владения оружием – максимальны. Жить-то хочется, а от турок-османов – получать постоянно оплеухи – вовсе даже нет…

Воевали?

Да, собственно, и воюем. С Речью Посполитой. И ведь наших бьют!

Даром, что ли, папаша такой недовольный. Вообще конец 1660 года ознаменовался чередой поражений в русско-польской войне, и царь гневался. Сильно и метко.

Подходить к Тишайшему стало попросту опасно. От него доставалось всем, включая царицу и детей. Сестры и не подходили. И под это дело Софья решила провернуть свой личный план.

Какая проблема у всех российских государей?

Да опереться не на кого. А поддержка нужна. Свои люди нужны, кузница кадров – и как это обеспечить?

Только школой. А пробить эту школу можно было только через царя. Только вот никто Софье не дал бы реализовать ее идею, даже отец. Хоть упросись. Инерция мышления.

Купить полную версию книги

---

notes

Примечания

1

Интерпретация событий целиком на совести Софьи. – *Прим. авт.*

2

Название придумано автором, совпадение случайно. Но описание храма совершенно реально. – *Прим. авт.*

3

У автора под рукой есть текст на старославянском языке, но приводить его здесь просто не имею возможности, т.к. часть использованных там знаков не имеет аналогов на клавиатуре. Поэтому взят наиболее приближенный аналог. – *Прим. авт.*

4

Автор знает об отсутствии инквизиции на Руси. Не знает Софья, которая забила гвоздь на историю родной страны класса с третьего, т.е. абсолютно. – *Прим. авт.*

5

Конечно, кое-какие просветители и литература на Руси были. Но в том-то и дело, что Софье они пока недоступны. Трехлетний ребенок, в царском тереме… эротические рассказы и сексуальное просвещение? Не вяжется, простите. – *Прим. авт.*

6

Опять-таки, интерпретация фактов на совести Софьи, прошу не путать автора с персонажем. – *Прим. авт.*

7

Полный титул А.М. Романова – Божиею милостию, Мы, Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержец Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий Князь Литовский, Смоленский, Тверский, Волынский, Подольский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея Северныя страны Повелитель, и государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей, и Кабардинския земли, Черкасских и Горских Князей и иных многих государств и земель, восточных и западных и северных, отчич и дедич, и наследник, и Государь, и Обладатель. – *Прим. авт.*